

МАРК ЭДЕЛЕ

библиотека
журнала

Советские ветераны Второй мировой ВОЙНЫ

ИСТОРИЯ СОЦИОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ АНТРОПОЛОГИЯ

неприкосновенный
запас

Народное движение
в авторитарном государстве,
1941 — 1991

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Марк Эделе

**Советские ветераны Второй
мировой войны. Народное
движение в авторитарном
государстве, 1941-1991**

«НЛО»

2008

УДК 329.75(47+57)«1941/1991»
ББК 63.3(2)63-459

Эделе М.

Советские ветераны Второй мировой войны. Народное движение в авторитарном государстве, 1941-1991 / М. Эделе — «НЛО», 2008 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2300-2

Среди трагических последствий войны с нацистской Германией — колоссальных человеческих жертв и разрушений — Советскому Союзу пришлось столкнуться с проблемой помощи миллионам травмированных и искалеченных людей, вернувшихся с фронта к гражданской жизни. Книга Марка Эделе прослеживает историю ветеранов Великой Отечественной войны с первых послевоенных лет и до распада СССР в 1991 году. Историк показывает, как в рамках советского режима зарождалось и развивалось народное движение бывших фронтовиков, целью которого было добиться признания их заслуг перед страной и прав на различные привилегии. Для этого им приходилось преодолевать известное сопротивление со стороны государства, которое не спешило признавать их отдельной социальной группой, подозревало в политической нелояльности и не желало нести расходы за предоставление ветеранам особого статуса. Автор ставит перед собой задачу продемонстрировать, как в 1978 году, вопреки сопротивлению официальных институтов и укрепляющемуся культу войны, бывшим фронтовикам все же удалось добиться желаемого. Марк Эделе — историк, специалист по Советскому Союзу, профессор Мельбурнского университета.

УДК 329.75(47+57)«1941/1991»

ББК 63.3(2)63-459

ISBN 978-5-4448-2300-2

© Эделе М., 2008

© НЛО, 2008

Содержание

Предисловие автора к русскому изданию	7
Предисловие	10
Часть I. Реинтеграция	13
Введение. Последствия войны	13
Глава 1. Эпопея возвращения	30
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Марк Эделе
Советские ветераны
Второй мировой войны
Народное движение в авторитарном
государстве, 1941–1991

Авторизованный перевод с английского Е. Иванушкиной

В оформлении обложки использованы фрагменты фотографий:

© Photo by marusya21111999 on pixabay.com

© Photo by Andrey on pxhere.com

© Mark Edele, 2008

© Е. Иванушкина, перевод с английского, 2023

© И. Дик, дизайн обложки, 2023

© ООО «Новое литературное обозрение», 2023

* * *

Посвящается памяти Герберта Эделе (1936–2007)

Предисловие автора к русскому изданию

Эта книга была задумана, материалы для нее исследованы, а сама она написана на том отрезке моей жизни, когда я более всего был занят Россией. Первый раз я приехал в новую Российскую Федерацию в 1994 году – на несколько месяцев, для изучения русского языка; позже, в 1995–1996 годах, я снова оставался здесь на длительные периоды времени. После перерыва в несколько лет – за это время я успел основательно подучить русскую историю и язык, сначала в Германии, а потом в США, – уже в 2000 году, я вернулся в Россию в качестве докторанта (аспиранта), и на этот раз посвятил свое время работе в архивах. С 2001-го по 2002-й я провел в стране целый год. То было время, проведенное почти полностью под шуршание старых бумаг и на фоне книжных полок: по будням я штудировал архивные документы, а в выходные сидел в библиотеках. Венцом этих усилий стала диссертация, защищенная в Чикагском университете в 2004 году. Чуть позже, в том же самом году, я перебрался в Австралию, где принял пост преподавателя в Университете Западной Австралии. В 2006-м я вновь оказался в России: для работы над книгой на основе диссертации потребовались дополнительные материалы и документы. Сама рукопись будущей книги родилась под солнечным небом города Перта – воистину удивительного места для осмысления русского прошлого. Книга увидела свет в 2008 году в издательстве Оксфордского университета.

«Советские ветераны Второй мировой войны» – моя первая книга. Сначала архивные штудии, а позже и работа над текстом выковали из студента-историка профессионального ученого. Во многом это перерождение произошло в России и состоялось на русском языке. Ведь я так никогда и не смог избавиться от своего отчетливо русского акцента, думая о многоязычии прошлого. Россия почти всегда со мной, в моих думах – пусть даже после выхода этой работы и рождения моей дочери годом позже фокус моих исследований изменился. Сперва я сосредоточился на архивах в США и Германии – сколь легче работается молодому отцу, если в обеих странах живет по бабушке! Позже я прильнул к репозиториям трех «балтийских сестер» и Украины – и вновь, гражданину Европейского союза так легче работается, ибо не надо печься о визах, приглашениях и выкраивать из расписания целые недели. Так, мало-помалу, из историка России я превратился в историка многонационального Советского Союза. Но ко времени выхода этой книги мне еще лишь предстояло пройти этот путь.

В конце девяностых и начале нулевых, когда я только начал накапливать материал для своей работы, мало кто из исследователей работал над социальной историей послевоенного СССР. Да, Елена Зубкова написала замечательную книгу, сосредоточившись на послевоенном советском обществе. Но этот труд был лишь первым «подходом к снаряду» и не раскрывал всей глубины темы. За время моих собственных попыток нащупать пульс послевоенной советской жизни и понять ее, занявших следующие десять лет, были напечатаны и другие книги и статьи по теме. Сегодня же по моему сюжету существует вал литературы: это целые библиотеки на русском, немецком, английском, посвященные разным аспектам советского общества и его культуры после 1945 года. Вышло так, что моя книга была лишь частью нового веяния, оформлявшегося в научном мире, той волны, что была незаметна для меня, запершегося в архивах и кропотливо пытавшегося докопаться до смысла первоисточников. В то же время именно эта волна несла мою работу вперед через общение с коллегами и чтение их трудов.

Приступая к написанию этой книги, я считал себя социальным историком – вполне старомодный выбор в англоязычной академии тех лет, находившейся в плену разнообразных форм культурной истории. Впрочем, и это положение вещей оказалось лишь временным: чем больше коллег приходили к осознанию того, что надо заниматься вопросами общественных институтов, структур и сюжетами «простой советской жизни», тем более и более социальная история

приобретала вес. И я тоже был участником этого процесса, в те годы совершенно не ведая об этом.

Восстанавливая историю ветеранов-красноармейцев после войны, я все сильнее ощущал, как течение мысли уносит меня в воды истории права, а со временем и в сферу политической истории. В этом смысле книга сделалась краеугольным камнем в деле воспитания меня как историка, коим я стал в будущем – ученого, который интересуется многочисленными особенностями зарождения и трансформации разнообразных форм социального и политического. И поныне весь объем моей научной деятельности, творимой и преподносимой на английском (с немецким акцентом), продолжает нести на себе печать русского прошлого.

Кем я точно не являюсь, так это военным историком, пусть меня иногда и принимают за такового: до сих пор помню свое удивление, узнав, что мою диссертацию внесли в компендиум «диссертаций по военной истории». Нет-нет, эта книга – история не войны, а лишь тех, кто на ней был и кто ее пережил. Это история жизни после конфликта. Сам я человек сугубо гражданский: ненавижу войну во всех ее проявлениях и предпочел бы жить в мире, где она не демонстрирует человечеству свой уродливый лик. Конечно, все эти оговорки не значат, что я не уважаю солдат и офицеров, которые сражаются за правое дело; напротив, иногда я даже восхищаюсь ими.

Рабоче-крестьянская Красная армия в годы Второй мировой войны зачастую сражалась доблестно. И дело защиты своих домов, родных очагов и «отеческих гробов», своих женщин и детей от кровавого нашествия нацистских орд без сомнения было правым. Однако советский опыт Второй мировой явно выходил за обозначенные черно-белые пределы всенародной, отечественной по своему характеру войны. Не все считали Польский поход 1939 года правым делом. Трудно утверждать, что РККА хорошо сражалась в пронизанные холодом месяцы Советско-финляндской войны 1939–1940 годов. Сместившись на временной линейке Второй мировой, мы видим, что многие в странах Балтии, на Украине, да и в целом в Восточной Европе горячо приветствовали освобождение от нацистской оккупации. Но эти же люди проявили куда меньший энтузиазм относительно установленных в их странах режимов. В итоге освобождение для этих людей слилось с началом еще одной несвободы.

Не могу утверждать, что я с предельной четкостью понимал хоть что-то из вышесказанного в те годы, когда писал эту книгу. Как бы то ни было, тогдашний я бился над тем, чтобы изыскать способ объективно и не противореча духу истины соединить все эти события в одном общем и широком объяснительном пространстве, в новой истории Советского Союза в годы Второй мировой войны. Все остальное придет позже, вылившись в книгу, вышедшую в 2021 году, «Сталинизм на войне»¹, в которой я подхожу к истории сталинизма, пересекая национальные границы и сплавливая истории стран-участниц воедино; эта новая работа основана не только на российских архивах, но и на документах из украинских, балтийских, немецких и американских хранилищ, в которых я трудился начиная с 2008 года, то есть с момента выхода настоящей работы.

Книга, которую вы держите в руках, в этом плане контрастирует с моими последующими трудами: здесь «Вторая мировая» есть лишь одно из имен Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. И это тоже в каком-то смысле своеобразная дань тому влиянию, которое было оказано на написавшего ее молодого историка чтением русской литературы, освоением русской культуры, изучением русской историографии. Одним словом, эта книга – самая «русская» из тех, что я написал, нравится это кому-то или нет.

То, до какой степени настоящая работа – о *русской*, а не о *советской* истории, легко проследить по тому пути, которому следует мой рассказ. Бесспорно, периодически на ее страницах мелькают нерусские имена и нерусские сюжеты, но все же по большей части повество-

¹ Edele M. *Stalinism at War: The Soviet Union in World War II*. London etc.: Bloomsbury Academic, 2021. – 272 p. – *Примеч. ред.*

вание имеет отношение к постсоветской России и той истории, что стала для нее идеологическим фундаментом. Что стало с ветеранами, оказавшимися в четырнадцати независимых государствах после распада СССР, остается за кадром. Не стоит удивляться такому «русоцентризму»: все же я учился на историка-русиста, все мое чтение было на русском, а исследуемые архивы находились в России. Мое знакомство с некоторыми из упомянутых постсоветских стран, в особенности с Украиной и тремя балтийскими республиками, состоялось позже, когда эта книга уже вышла в свет. Оглядываясь на прожитое из последних дней 2022 года, указанный «русоцентризм» может быть как самой заметной слабостью работы, так и, для российского читателя, самой ценной ее частью: ведь по сути, несмотря на название, книга повествует не о «советских ветеранах Второй мировой войны», а о «русских ветеранах Великой Отечественной».

Как показано в этой книге, с затиханием грома последних боев войны не заканчиваются. Мир не наступает вдруг и внезапно. Последствия войны саднят целые десятилетия. О не вернувшихся с фронта сыне, муже, брате или отце до конца своих дней скорбят те, кто теперь обречен жить без них. Пропахшие порохом и гарью ветераны на ощупь ищут свой путь обратно в мирную жизнь, «на гражданку», учась заново жить с тяжелой ношей памяти о годах, полных крови и смерти. Целые общественные слои, группы и институты беспощадно перепахиваются войной, оставляющей глубокие борозды в виде смертей как уже пришедших в этот мир, так и тех, кто никогда не родится на свет, потому что павшие не заводят семей. Крошатся здания, покалеченные в годы войны, подобно людям, живущим в них. изнашивается поддерживающая социум материальная культура, ведь ее столь стремительно пожирало пламя войны и истачивала экономика, с головокружительной скоростью перелицованная на военный манер. Наконец, вокруг всей этой немеркнувшей муки, словно вокруг негасимого очага, возводятся целые культуры, пытающиеся понять, как же весь этот военный кошмар вошел в нашу жизнь и что делать с ним теперь, когда наступили мирные дни. Складывается особая память: цель ее в том, чтобы хоть как-то примириться с утратой, болью, ужасом и жестокостью, которые были пережиты как отдельными людьми, так и целыми группами, – ведь все это надо нести дальше. Часть из указанных феноменов представлена в этой книге, использующей годы Великой Отечественной как показательный пример. Впрочем, некоторые из описанных историй, к сожалению, остаются релевантными и для прочих войн, которым суждено тоже когда-то закончиться.

Марк Эделе

Мельбурн, Австралия, декабрь 2022 года

Предисловие

Эта книга написана человеком, который родился в Германии, часть своего образования получил в Америке и уже давно живет в Австралии. Я представитель того поколения, которое слишком молодо, чтобы помнить годы войны и тоталитаризма; наше взросление в Европе пришлось на поразительно долгий период стабильности, мира и невиданного процветания континента, поддерживаемого государством всеобщего благосостояния, живым общественным дискурсом, демократическим правлением. Представителям моей возрастной когорты нужно обладать очень богатым воображением, чтобы просто представить себе, что значит жить при тоталитарной диктатуре, авторитарной системе и экономике дефицита – или же с оружием в руках защищать подобный порядок ценой собственной жизни. Остается только надеяться, что если кому-то из еще здравствующих советских ветеранов доведется прочитать эти строки, то они простят автору неспособность понять все это в полном объеме.

То, что в итоге было мною исследовано, понято и усвоено, обуславливалось не только усердной работой, но и людьми, которые учили, растили и направляли меня. Мои родители, Герберт и Бригитта Эделе, прежде чем отправить сына в большую жизнь, воспитали во мне любовь к дискуссиям и уважение к учебе. Я решил посвятить эту книгу моему покойному отцу, и это нечто большее, чем просто жест скорбящего сына. Именно он, настоящий самоучка, открыл для меня увлекательный мир исследовательской работы, частенько вскакивая во время жарких обеденных обсуждений и убегая в свой кабинет только для того, чтобы вернуться с книгой или томом своей любимой энциклопедии – и поделиться с семьей тем, что казалось ему правильным.

После того как я покинул родительский дом, а со временем и родную страну, мне посчастливилось встретить других людей, которые воспринимали мир примерно так же. Хубертус Ян, Сьюзан Моррисси, Йорг Баберовски, Тобиас Хольцленер и покойный Николаус Вентулис, каждый по-разному, вносили свой неопределимый вклад в мое профессиональное и личностное развитие в университетские годы в Германии. Благодаря им у меня появился шанс стать аспирантом несравненного образовательного учреждения – Чикагского университета. Здесь я встретил людей, которые глубоко повлияли на то, как я думаю и живу. Ричард Хелли, Рон Суни, Майкл Гейер, Ми Накачи и Чарльз Хачтен способствовали моему становлению в чикагские годы – иногда противоречиво, но всегда интересно. Шейла Фицпатрик оказала особо существенное влияние на подготовку моей докторской диссертации, из которой позже и родилась эта книга. Шейла стала для этого проекта, используя немецкое слово, самой настоящей *Doktormutter* – научной матерью; и это помимо того, что она и так была для меня образцовой ролевой моделью. Имелась у меня и «научная сестра». Дебра Макдугалл вошла в мою жизнь немного позже, причем совсем в иной роли, нежели роль научной наставницы, но ее просвещенность, деликатность, тактичность, терпение, дружба и любовь положительно повлияли на эту книгу и, возможно, сделали чуть лучше меня самого.

Мне посчастливилось в общей сложности на четырнадцать месяцев полностью погрузиться в архивные и библиотечные фонды Москвы, Воронежа, Нижнего Новгорода и Екатеринбурга – без какой-либо другой причины, кроме как попытаться выяснить, что происходило с советскими ветеранами после войны. Это роскошное времяпровождение было бы невозможным без щедрой поддержки четырех учреждений: Чикагского университета, предоставившего средства на мою ознакомительную поездку в Россию в 2000 году; Немецкой службы академических обменов (DAAD), финансово поддержавшей год докторских исследований в России в 2001–2002 годах; Университета Западной Австралии и Австралийской академии гуманитарных наук, чьи программы исследовательских грантов и стипендий для гуманитарных поездок – Research Grant и Humanities Travelling Fellowship соответственно – покрыли расходы

на еще одну мою научную командировку, состоявшуюся в 2006 году. Обдумывание, написание и переписывание текста, а также дальнейшие изыскания стали возможными благодаря стипендиальным и грантовым программам Чикагского университета (Century Fellowship и Mellon Dissertation Year Fellowship) и Университета Западной Австралии (Research Grant и Humanities and Social Sciences Publication Grant of the Faculty of Arts), а также множеству небольших стипендий на научные командировки, выделенных мне последним из упомянутых университетов.

В ходе всей этой работы Дональд Фильцер, Елена Зубкова, Жан Левек, Владимир Козлов и Кэтрин Мерридейл помогали мне с подбором источников. Дональд и Жан, а также Бен Зайчек, Чарльз Хачтен, Кристофер Бертон и Беата Физелер позволили ознакомиться со своими еще не опубликованными рукописями. Влияние последней на мой труд станет очевидным для читателя, когда он доберется до главы 4. Выступлению Амира Вайнера на конференции в Чикаго в 2000 году я обязан самым зарождением интереса к ветеранской теме. Крис Бертон преподавал мне азы работы в архиве, читал и комментировал как диссертацию, так и рукопись книги и подарил мне выражение «эпопея возвращения». Сотоварищи из числа таких же, как и я, «архивных крыс» – Лоренц Люти, Вольфганг Мюллер, Пол Стронски, Элеонора Гилбурд, Джулия Ландау, Геро Федтке, Саймон Эрц, Джулиана Ферст и Полли Джонс – поддерживали меня во время работы в Москве и продолжали подбрасывать подходящую литературу в дальнейшем.

Ветераны, с которыми мне удалось пообщаться в Воронеже, быстро переоборудовав офис своей организации в гостиную, угощали меня чаем и «тем, что покрепче» – под тосты за мир и дружбу между народами, – а также щедро одаривали меня воспоминаниями. Они знали, что имеют дело с немцем, и я до сих пор восхищен их великодушием. Огромную помощь в работе над книгой оказали библиотечные работники – сотрудники Российской государственной исторической библиотеки и Российской государственной библиотеки (обе в Москве), Баварской государственной библиотеки в Мюнхене, Библиотеки Джозефа Регенштайна при Чикагском университете, Библиотеки Рида при Университете Западной Австралии, а также архивариусы всех учреждений, перечисленных в библиографии. В особенности я хотел бы отметить помощь Джун Фаррис, библиографа-слависта из Библиотеки Регенштайна. Исследовательское содействие мне также оказали Лейт Пассмор, Салли Карлтон и Джулия Фейн.

Николай Митрохин выступил моим компаньоном, учителем русского языка и гидом по ночной жизни Москвы. Без него пребывание в этом городе было бы гораздо менее продуктивным и явно более скучным (хотя, может быть, чуть более трезвым). Коля, который виртуозно ориентируется в опубликованных источниках, посвященных послевоенному Советскому Союзу, с радостью делился со мной своими познаниями. Без его помощи, в частности, я не смог бы написать разделы, посвященные отношению ветеранов-фронтовиков к религии. Особенно запомнился один вечер зимой 2001–2002 годов в маленькой неухоженной квартирке, которую он тогда снимал неподалеку от станции метро «Чистые пруды» – всего в квартале от вечно прокуренного интеллигентского притона «Проект О. Г. И.», служившего ему едва ли не гостиным. Мы собирались идти ужинать, и я с нетерпением ждал, пока Коля отправит пару срочных электронных писем. Заметив мое голодное нетерпение и желая отвлечь меня, он протянул какую-то книгу: «Вот, посмотри, может быть, заинтересует». Это были мемуары Николая Дьякова, которые потом заняли центральное место в главе 4 моей работы.

Процесс превращения диссертации, перенасыщенной эмпирическими данными, в удобочитаемую книгу происходил в основном под голубым небом Западной Австралии и частично под не столь голубым небом Саут-Бенда, штат Индиана. И здесь я хотел бы поблагодарить факультет антропологии Университета Нотр-Дам за великодушное обеспечение рабочим пространством приезжего ученого, который тогда еще только собирался стать супругом приглашенного доцента, преподающего в этом учебном заведении. Что касается Университета Западной Австралии, то местные коллеги и друзья всегда позволяли мне почувствовать себя здесь

как дома и служили постоянным источником интеллектуальной и эмоциональной поддержки. В частности, я хотел бы поблагодарить Ричарда Босуорта, Андреа Гейнор, Джейми Мойра, Джереми Мартенса, Итана Блу, Роба Стюарта, Нормана Этерингтона, Джузеппе Финальди и Сью Брумхолл за дружбу, человеческую и научную.

Будучи одним из первых читателей манускрипта, Ричард Босуорт отредактировал и прокомментировал его в рекордные сроки. Его бурная реакция на мой тяжелый слог, выраженная в сделанных красными чернилами пометках типа «ну нет, тьфу!», ощутимо способствовала дальнейшему совершенствованию текста. То, что описываемые мной солдаты по-прежнему перемещаются по страницам книги в «тепушках», а не в «товарных вагонах» (*carriages*, по его мнению – «куда более подходящее английское слово», нежели *cattle cars*), объясняется сугубо моим непреодолимым упрямством. В одном случае Ричард также выступил в роли высококвалифицированного научного ассистента, переведя на английский фрагмент нужных мне итальянских мемуаров. Шейла Фицпатрик и Дебра Макдугалл прочитали все, что я написал, причем несколько раз; мою благодарность им невозможно выразить в словах. Наконец, огромную пользу мне принесли замечания Кристофера Уилера и трех анонимных рецензентов, приглашенных издательством Оксфордского университета, а также дотошная корректура Хубертуса Яна.

Эта книга рождалась в диалогах со многими людьми на конференциях и семинарах. Отдельные ее фрагменты, а также рабочие варианты представлялись на семинарах по социальной теории, изучению России и современной европейской истории в Чикагском университете; на семинарах по русской истории в Университете Иллинойса и Университете Майами; на аспирантских исторических семинарах в Университете Западной Австралии; на ежегодных съездах Американской ассоциации содействия славяноведческим исследованиям в 2002, 2003, 2005, 2006, 2007 годах; на двухгодичной конференции Австралазийской ассоциации европейской истории в Университете Мельбурна в 2005 году; на конференции по случаю презентации сборника, подготовленного в честь Шейлы Фицпатрик, в том же учреждении в 2006 году; на семинаре по российской истории Института перспективных исследований в Университете Западной Австралии; на немецких коллоквиумах по истории Восточной Европы в Берлинском университете имени Гумбольдта (2002), Билефельдском университете (2002) и Тюбингенском университете (2000, 2006); в Комитете по изучению России и Восточной Европы Кембриджского университета (2006). Часть введения и некоторые разделы главы 8 были впервые опубликованы в журнале «Slavic Review» в 2006 году (vol. 65, № 1, p. 111–137).

Часть I. Реинтеграция

Введение. Последствия войны

Первая половина XX века была периодом, отмеченным массовыми армиями и массовыми смертями; центральным опытом того времени стал опыт войны. Никогда прежде под ружье не ставилось так много людей, и никогда люди в таком количестве не принимали смерть от рук своих братьев. Согласно одному из имеющихся подсчетов, Первая мировая война принесла Европе в шестнадцать раз, а Вторая мировая война – в пятьдесят раз больше военных смертей, чем Тридцатилетняя война; даже в сравнении с бойней революционных и наполеоновских войн речь идет о превышении в два раза и семь раз соответственно². Подобные катаклизмы не могли не оказать серьезнейшего влияния на затронутые ими общества. Моя книга посвящена одному из результатов той «эпохи насилия», которую Европа и мир пережили между 1914-м и 1945 годами – а именно тому, как ветераны-фронтовики превращались в советском обществе в новую социальную и политическую силу³.

Когда немецкая армия 22 июня 1941 года напала на Советский Союз, империя Сталина была государством-изгоем, которое было обременено множеством внутренних проблем, проистекавших из перипетий его нелегкой истории. Первая в мире успешная социалистическая революция, состоявшаяся в России в 1917 году, стала результатом масштабных изменений, инициированных в XIX веке распространением промышленной революции и становлением массовой политики. В России эти потрясения были усугублены разрушениями Первой мировой войны (1914–1918) и последовавшей за ней кровавой Гражданской войны (1918–1921). Союз Советских Социалистических Республик, вышедший из этого горнила насилия и хаоса, боролся с международной изоляцией, институциональной слабостью и экономической отсталостью. К 1941 году советский режим уже растерял значительную часть народной поддержки, которой он пользовался в послереволюционный период, и сталкивался с враждебностью широких слоев населения. В конце 1920-х и на протяжении 1930-х годов, готовясь к неизбежной и насильственной конфронтации с капиталистическим миром, наиболее радикальные члены большевистской партии – теперь их возглавлял жестокий Иосиф Сталин – попытались преодолеть технологическую и военную отсталость страны и одновременно устранить своих внутренних врагов. Всего за несколько лет и ценой невероятных человеческих страданий воинствующее меньшинство затащило патриархальную Русь, упирающуюся и стенающую, в большевистскую версию современности⁴.

Общество, которому предстояло в 1941–1945 годах выдержать нацистское вторжение, было продуктом того агрессивного натиска большевистской власти, которому подверглось большинство советского населения. В этом натиске можно выделить два этапа. Сначала произошло то, что современники называли «великим переломом» 1928–1932 годов, сегодня более

² *Ulanis B.* Bilanz der Kriege: Die Menschenverluste Europas vom 17. Jahrhundert bis zur Gegenwart. Berlin: VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften, 1965. S. 367.

³ См.: *Hobsbawm E.* The Age of Extremes: A History of the World, 1914–1991. New York: Vintage Books, 1996 [Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914–1991). М.: АСТ; CORPUS, 2020].

⁴ Классическую интерпретацию этого периода см. в работе: *Fitzpatrick S.* The Russian Revolution, 2nd ed. Oxford and New York: Oxford University Press, 1994 [Фицпатрик Ш. Русская революция. М.: Институт Гайдара, 2018]. О меньшинстве, совершившем «сталинскую революцию», см.: *Viola L.* The Best Sons of the Fatherland: Workers in the Vanguard of Soviet Collectivization. New York and Oxford: Oxford University Press, 1987. Об участии простых людей в идеологическом и практическом проекте сталинизма см.: *Hellbeck J.* Revolution on My Mind: Writing a Diary under Stalin. Cambridge, Mass., and London: Harvard University Press, 2006 [Хелльбек Й. Революция от первого лица: дневники сталинской эпохи. М.: Новое литературное обозрение, 2017].

известным под именем «сталинской революции сверху». Этот процесс сочетал в себе атаку на традиционные элиты, подкрепляемую ускоренной подготовкой новых рабочих кадров, с форсированной индустриализацией и гражданской войной против крестьянства. Для того чтобы подчинить тех, кто должен был оплатить издержки «первоначального социалистического накопления», сельское население поголовно загонялось в колхозы. Первая атака на патриархальную Русь обернулась катастрофическим падением сельскохозяйственного производства, голодом и нарастанием противодействия внутри самой коммунистической партии; все это способствовало частичному отступлению и переходу к более разумным темпам социальных преобразований. Давление на общество возобновилось во времена так называемого Большого террора 1936–1938 годов, когда Сталин провел кровавую чистку всего советского населения, истребив множество реальных и потенциальных врагов, включая и многих сторонников своего правления⁵.

Результаты этих революционных потрясений были противоречивыми. С одной стороны, они породили социальную аномию, или то, что Моше Левин назвал «обществом зыбучих песков», для которого были типичны разрушенные жизни, личности и семьи, эфемерность и неустойчивость общественных связей, значительная социальная и географическая мобильность⁶. У многих советских людей накопились веские причины, чтобы возмущаться сталинскими порядками и, следовательно, надеяться на избавление от них – по-видимому, в 1941 году эти надежды очень недолго связывались с вермахтом⁷. С другой стороны, революционные сдвиги создали жесткую социальную структуру, в основе которой были ранг и статус – что-то весьма похожее на мирную версию военной экономики⁸. Хорошо известно, что большевистская революция создала полицейское государство, которое использовало террор, запугивание, пропаганду и слежку, добиваясь переделки общества в соответствии со своими устремлениями. Но в дискуссиях о государственном насилии и навязываемой идеологии как центральных пунктах советской системы иногда забывают упомянуть об экономических аспектах стабильности большевистского режима⁹. Большая часть потребительских товаров и услуг производилась и распределялась самим государством, которое руководствовалось при этом собственными нуждами: чем больше пользы граждан мог принести режиму, тем больше благ он

⁵ О сталинизме как революционном режиме см.: *Tucker R. Stalinism as Revolution from Above // Idem. (Ed.). Stalinism: Essays in Historical Interpretation. New York: W. W. Norton & Co, 1977. P. 77–108; Fitzpatrick S. (Ed.). Cultural Revolution in Russia, 1928–1931. Bloomington, Ind.: Indiana University Press, 1978; Service R. Stalin: A Biography. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2005. О массовом характере «великих чисток» см.: *Hagenloh P. «Socially Harmful Elements» and the Great Terror // Fitzpatrick S. (Ed.). Stalinism: New Directions. London and New York: Routledge, 2000. P. 286–308.**

⁶ *Lewin M. The Social Background of Stalinism // Idem. The Making of the Soviet System: Essays in the Social History of Interwar Russia. 2nd ed. New York: New Press, 1994. P. 258–285; вышеупомянутый термин – P. 265.*

⁷ О настроениях городского населения России в предвоенный период см.: *Davies S. Popular Opinion in Stalin's Russia: Terror, Propaganda, and Dissent, 1934–1941. Cambridge: Cambridge University Press, 1997 [Дэвис С. Мнение народа в сталинской России: террор, пропаганда и инакомыслие, 1934–1941. М.: РОССПЭН, 2011]. О недовольстве и сопротивлении крестьянства см.: *Fitzpatrick S. Stalin's Peasants: Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization. New York and Oxford: Oxford University Press, 1994 [Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне: социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М.: РОССПЭН, 2008]; Lynne V. Peasant Rebels under Stalin: Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. New York and Oxford: Oxford University Press, 1996 [Линн В. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010]. Об аналогичных настроениях в среде рабочего класса см.: *Filtzer D. Soviet Workers and Stalinist Industrialization: The Formation of Modern Soviet Production Relations 1928–1941. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 1986 [Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм: рабочий класс и восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2011]; Rossman J. J. Worker Resistance under Stalin: Class and Revolution on the Shop Floor. Cambridge, Mass., and London: Harvard University Press, 2005. Об отверженных в советском обществе см.: *Alexopoulos G. Stalin's Outcasts: Aliens, Citizens, and the Soviet State, 1926–1936. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2003.****

⁸ *Fitzpatrick S. War and Society in Soviet Context: Soviet Labor before, during, and after World War II // International Labor and Working-Class History. Spring 1989. Vol. 35. P. 37–52.*

⁹ Обстоятельный и нередуктивный анализ советского тоталитаризма см. в работах: *Bauer R., Inkeles A., Kluckhohn C. How the Soviet System Works: Cultural, Psychological, and Social Themes. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1956; Inkeles A., Bauer R. The Soviet Citizen: Daily Life in a Totalitarian Society. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961.*

получал. Представители нового «служилого класса», прошедшие выучку «сталинской революции» и назначенные на должности, которые освободились в ходе «великих чисток», жили гораздо комфортнее большинства рабочих, не говоря уже о крестьянах. Причем даже на нижних этажах социальной пирамиды сохранялось такое же жесткое расслоение, гарантирующее преуспевание одних за счет других. Иными словами, плановая экономика была одним из важнейших механизмов, обеспечивавших согласие с большевистским проектом и принуждавших к участию в нем: как предполагалось, кто не работает на официоз, тот не ест. Однако серьезные дисфункции этой централизованной экономики дефицита обуславливали параллельное существование другой экономики – сферы частично или полностью нелегальных рыночных и псевдорыночных сделок. Наличие этой теневой экономики позволяло людям, несмотря на пустые прилавки, выживать в индустриальном обществе, ориентированном на удовлетворение военных нужд, а не потребительского спроса¹⁰.

После 22 июня 1941 года это уже отмобилизованное общество с легкостью можно было ставить на военные рельсы. В определенных отношениях война означала ослабление социального контроля; это объясняет, почему многие советские граждане вспоминают военные годы как время относительной «свободы» – несмотря на то, что террор в тот период не ослабевал¹¹. Многие из тех советских людей, кто поначалу не был убежден в том, что бороться за товарища Сталина стоит, вскоре встали в строй: новые властители оказались хуже прежних. Конечно, весьма соблазнительно порассуждать о том, что, будь немцы менее жестокими по отношению к гражданскому населению, им, возможно, удалось бы выиграть войну на Востоке: ведь они вполне могли использовать повсеместное недовольство сталинским режимом и выдать свой завоевательный поход за освободительную кампанию. Проблема, однако, в том, что это теоретическое допущение совсем не берет в расчет ни реалии боевых действий, ни особенности идеологических оснований. Позиция немцев оставалась ущербной в двух отношениях сразу: во-первых, они были расистами, а, во-вторых, развязанную ими войну можно было выиграть только посредством тактики, граничащей с геноцидом – и это в лучшем случае. Германия с самого начала значительно уступала противнику в живой силе и технике, и единственным путем к победе было нанесение еще одного из тех молниеносных ударов, какими вермахт прославился с 1939 года. Такой прием предполагал быстрое передвижение бронетанковых дивизий, но плохие дороги на Востоке и огромные здешние расстояния воспрепятствовали этому. К тому же немецкая армия по-прежнему в значительной степени зависела от конной тяги. Военным специалистам хорошо известно, что единственным способом справиться с подобными сложностями всегда оставались реквизиции и мародерство – по сути, старые обыкновения всех армий. Но в такой отчаянно бедной стране, как Советский Союз, обращение к подобной тактике автоматически влекло за собой массовый голод среди покоренного населения. Это, впрочем, не было какой-то особой проблемой для немецкого верховного командования. Вопреки многочисленным и повторяющимся попыткам обелить деяния гитлеровских солдат, большая часть командного и рядового состава разделяла нацистскую установку, согласно которой немецкой армии на Востоке приходится иметь дело с еврейскими, славянскими или азиат-

¹⁰ Kornai J. The Economics of Shortage, 2 vols. Amsterdam: North-Holland Publishing Co., 1980 [Корнай Я. Дефицит. М.: Наука, 1990]; Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge: Cambridge University Press, 1998; Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927–1941. М.: РОССПЭН, 1998; Осокина Е. Our Daily Bread: Socialist Distribution and the Art of Survival in Stalin's Russia, 1927–1941. Armonk, NY: M. E. Sharpe, 2001; Fitzpatrick S. Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times. Soviet Russia in the 1930s. New York and Oxford: Oxford University Press, 1999. P. 40–66 [Фитцпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М.: РОССПЭН, 2001]; Hessler J. A Social History of Soviet Trade: Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917–1953. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2004; Depretto J.-P. Stratification without Class // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2007. Vol. 8. № 2. P. 375–388.

¹¹ См.: Stites R. (Ed.). Culture and Entertainment in Wartime Russia. Bloomington and Indianapolis: Indiana University Press, 1995.

скими «недочеловеками». Причем это предубеждение лишь усиливалось беспросветной нищетой, обнаруженной немцами в СССР, и неистовством противника, с которым они столкнулись в боях¹².

Советское общество, оставаясь под суровым руководством сталинского режима и реагируя на смертельную угрозу войны на уничтожение, исходящую от врагов-расистов, приняло брошенный ему вызов. Красный колосс выставил против гитлеровцев 34,5 миллиона солдат и офицеров регулярной армии, а также десятки или, возможно, сотни тысяч «партизан»¹³. Эти простые, в общем-то, люди, обычные мужчины и женщины, совершили то, чего до них не удалось сделать никому, – они остановили, развернули и разгромили непобедимый вермахт в одной из самых жестоких войн прошлого века¹⁴. Эта победа досталась горькой ценой неимоверных потерь и ужасающих страданий. Советский Союз потерял 25 миллионов, а может быть, и 27 миллионов жизней, в основном гражданских лиц; среди них по меньшей мере 7,8 миллиона составили военнослужащие регулярной армии¹⁵. Согласно официальной статистике, почти 3 миллиона бойцов вернулись с фронта инвалидами; кроме того, смело можно предположить, что еще более великим было число тех, кто позже страдал от физических, психических и социальных последствий этой грандиозной бойни¹⁶. Моя книга – как раз об этих мужчинах и женщинах, о том, как бывшие фронтовики и фронтовички пытались встраиваться в жизнь послевоенного общества и находить для себя место в одной из самых суровых социально-политических систем Европы.

После завершения боевых действий ветераны всех воюющих стран требовали для себя признания и поддержки. Организованные движения выживших на поле боя нередко оказывали заметное влияние на политический процесс. Разумеется, принимаемые государственной властью законодательные меры, как и политические ориентиры ветеранского движения, варьировали от страны к стране, но потребности, запросы и требования бывших солдат повсеместно оказывались в центре политической борьбы. И действительно, к 1935 году ветераны на Западе обозначили себя в качестве такой «политической проблемы», весомость которой позволила внести термин «*veteran*» в популярную «Энциклопедию социальных наук», где он весьма логичным образом разместился между понятиями «*vested interests*» и «*veto*»¹⁷. Те, кто выжил в боях, внесли огромный вклад в искусство XX века: так, трудно представить себе литературу межвоенной поры без Георга Гроша, Зигфрида Сассуна, Эрнста Юнгера, Эриха Марии Ремарка или Эрнеста Хемингуэя; послевоенную литературу – без Гюнтера Грасса или Джозефа Хеллера; теорию культуры – без Раймонда Уильямса; историю – без Эдварда Палмера Томпсона. Учитывая этот общий контекст, один из главных тезисов моей книги покажется,

¹² Лучшим введением в тему остается следующая работа: Glantz D., House J. When Titans Clashed: How the Red Army Stopped Hitler. Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 1995 [Гланц Д., Хаус Д. Битва титанов. Как Красная армия остановила Гитлера. М.: Астрель, 2007]. О положении в советском тылу см.: Barber J., Harrison M. The Soviet Home Front, 1941–1945: A Social and Economic History of the USSR in World War II. London and New York: Longman, 1991. О ситуации на оккупированных территориях см.: Berkhoff K. C. Harvest of Despair: Life and Death in Ukraine under Nazi Rule. Cambridge and London: Belknap Press of Harvard University Press, 2004. Обзор литературы, посвященной ведению немцами боевых действий, см. в работах: Müller R.-D., Ueberschär G. R. Hitlers Krieg im Osten 1941–1945: Ein Forschungsbericht. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2000.

¹³ Кривошеев Г. Ф., Филимошин М. Ф. Потери вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне // Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. II: 1940–1959. / Под ред. В. Б. Жиромской. М.: РОССПЭН, 2001. С. 25. Точную численность партизан установить крайне сложно. Известно, однако, что Центральный штаб партизанского движения регистрировал 69705 бойцов партизанских отрядов в июне 1942-го и 138889 в начале 1944-го. См.: Slepyan K. Stalin's Guerrillas: Soviet Partisans in World War II. Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 2006. P. 51.

¹⁴ Об опыте красноармейцев см.: Merridale C. Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945. New York: Metropolitan Books, 2006. Об опыте бойцов партизанских отрядов см.: Slepyan K. Stalin's Guerrillas.

¹⁵ Ellman M., Maksudov S. Soviet Deaths in the Great Patriotic War: A Note // Europe – Asia Studies. 1994. Vol. 46. № 4. P. 671–680.

¹⁶ Krivosheev G. F. Soviet Casualties and Combat Losses in the Twentieth Century. London: Greenhill Books, 1997. P. 92.

¹⁷ Friedrich A. A. Veterans // Encyclopaedia of the Social Sciences. New York: Macmillan Co., 1935. P. 243–247.

возможно, не слишком оригинальным: после Второй мировой войны ветераны стали важной социальной силой в советском обществе. В конце концов, бывшая Российская империя, ныне переименованная в Союз Советских Социалистических Республик, вынужденно приняла на себя непомерную долю страданий, разрушений и смертей той войны. Из примерно 60 миллионов погибших, которых унесли фурии немецкого милитаризма и расизма, по меньшей мере 42 % пришлось на советские потери¹⁸.

С победой страдания не закончились; советские ветераны возвращались в разоренную и опустошенную страну. Безусловно, и до нападения немцев в Советском Союзе царила экономика дефицита, но материальные разрушения, вызванные войной, трудно переоценить. По официальным данным, 1710 городов и поселков, а также более 70 000 деревень были стерты с лица земли. Совокупные экономические издержки всеобщей разрухи более чем в двадцать раз превышали национальный доход 1940 года. Два миллиона человек встретили день Победы, проживая в землянках, а не в нормальных домах¹⁹. Что еще хуже, деструктивную политику 1930-х годов возобновили сразу же после того, как победа была обеспечена. Победоносная война убедила политическое руководство СССР в том, что «сталинская революция» была верным курсом, и, ожидая столкновения с Соединенными Штатами Америки, диктатор не видел иных вариантов, кроме как восстановить страну по довоенному образцу. Разделяемым многими гражданами надеждам на послевоенное смягчение режима, отмену колхозов или более свободный культурный климат не суждено было сбыться. Несмотря на серьезные дискуссии об экономических реформах, которые велись в государственном аппарате, никаких преобразований не последовало. Колхозный строй был восстановлен, творческую интеллигенцию снова начали терроризировать, а ветеранам было велено возвращаться к работе, а не почитать на лаврах боевых заслуг. Война закончилась; пора готовиться к следующей²⁰.

Впрочем, каковы бы ни были намерения режима, наследие войны нельзя было упразднить. Просто игнорировать произошедшее не получалось: слишком глубоки были шрамы, слишком страшны воспоминания, слишком велики разрушения. Постепенно оформлялась культура памяти, которой предстояло стать важным наследием войны²¹. Послевоенный сталинизм предпринял попытку подменить память о массовых страданиях и массовом героизме нарративом, который фокусировался на Сталине как «главном герое войны». Но с 1953 года, после смерти диктатора и десталинизации официального дискурса, начала появляться более популистская версия Победы. Культ того, что на государственном уровне было названо «Великой Отечественной войной», окончательно оформился в 1965–1985 годах; этот период был

¹⁸ Weinberg G. L. *A World at Arms: A Global History of World War II*. New York and Cambridge: Cambridge University Press, 1994. P. 894.

¹⁹ Пронько В. А. Война, народ, победа: взгляд сквозь года // Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. IV: Народ и война / Под ред. В. А. Золотарева. М.: Наука, 1999. С. 294.

²⁰ Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. Armonk, NY, and London: M. E. Sharpe, 1998. P. 238; Boterbloem K. *Life and Death under Stalin: Kalinin Province*. Montreal: McGill-Queens Press, 1999; Hessler J. *A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Trade Enterprise in the USSR* // *Slavic Review*. 1998. Vol. 57. № 3. P. 516–542; Filtzer D. *Soviet Workers and Late Stalinism: Labour and the Restoration of the Stalinist System after World War II*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002; Edele M. *More than just Stalinists: The Political Sentiments of Victors 1945–1953* // *Fürst J. (Ed.). Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention*. London and New York: Routledge, 2006. P. 167–191.

²¹ Tumarkin N. *The Living and the Dead: The Rise and Fall of the Cult of World War II in Russia*. New York: Basic Books, 1994; Bonwetsch B. *Ich habe an einem völlig anderen Krieg teilgenommen: Die Erinnerung an den Großen Vaterländischen Krieg in der Sowjetunion* // *Berding H., Heller K., Speitkamp W. (Hrsgs.). Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19 und 20. Jahrhundert*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. S. 145–168; Weiner A. *Making Sense of War: The Second World War and the Fate of the Bolshevik Revolution*. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2000; Fieseler B. *Die Invaliden des Grossen Vaterländischen Krieges der Sowjetunion: Eine politische Sozialgeschichte 1941–1991*, Habilitationsschrift. Bochum: Ruhr-Universität, 2003. S. 456–468; Kirschenbaum L. *The Legacy of the Siege of Leningrad, 1941–1995: Myth, Memories, and Monuments*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2006; Youngblood D. J. *Russian War Films: On the Cinema Front, 1914–2005*. Lawrence, Kan.: University Press of Kansas, 2007.

отмечен частичной ресталинизацией, а также патриотической помпезностью и монументальностью²².

В разные периоды оформления этого культа ветераны приобщались к нему в различной мере. Но даже на первой стадии они ни в коем случае не молчали. Официальная репрезентация возвращения домой в виде преисполненного энтузиазма погружения вернувшихся героев в тяжкий труд по строительству (или обновлению!) социализма разделялась частью ветеранов, выдвинувшихся в послевоенные годы на руководящие посты по всей стране. Но такие люди составляли меньшинство. Временами фронтовики пытались публично отстаивать собственное право помнить войну такой, какой она запечатлелась в их памяти – включая страх, панику, любовь на передовой²³. В целом же восприятие возвращения к мирной жизни, несмотря на перегруженность сталинскими клише, было гораздо сложнее, чем представляется некоторым историкам. Даже такая послевоенная классика, как вышедший в 1947 году роман Петра Павленко «Счастье», в котором изображалось преодоление фронтового увечья посредством волевого порыва, рисовала довольно безотрадную картину ветеранской послевоенной жизни, включая болезни, нищету, отчаяние²⁴.

До смерти Сталина партийные руководители, прошедшие войну – в основном пожилые мужчины, которые еще до 1941-го занимали то или иное высокое положение в гражданской жизни, – были наиболее слышимой ветеранской группой. Но во время хрущевской культурной либерализации, начавшейся в 1956-м и получившей название «оттепель», о себе заявила другая элита ветеранов: молодые писатели и кинематографисты, которые разрабатывали свою версию военного опыта и возвращения «на гражданку». Эти люди достигли интеллектуальной зрелости в военные годы, после войны углубились в изучение литературы, искусства и кино, а в период «оттепели» начали доминировать в художественном производстве²⁵. Некоторые ветераны-интеллектуалы – например, писатель Виктор Некрасов (1911–1987) – до войны реализовались в одной профессии, но под влиянием пережитого изменили свою жизненную траекторию²⁶.

Именно в этот период были опубликованы некоторые из самых лучших (и наиболее сложных) описаний возвращения бывших фронтовиков домой: среди них, в частности, повесть Виктора Некрасова «В родном городе» (1954) и роман Юрия Бондарева «Тишина» (1962)²⁷. Тогда же появились несколько кинематографических шедевров на ту же тему, например, фильмы Григория Чухрая «Баллада о солдате» (1959), в котором режиссер делился переживаниями своего поколения, и «Чистое небо» (1961), где он осуждал сталинские преследования бывших советских военнопленных²⁸. Война теперь переместилась в центр художественного и интеллектуального творчества. Фильмы, литературные произведения, мемуары и живописные работы в совокупности представляли более сложную и реалистичную картину войны, нежели та, что

²² Tumarkin N. *The Living and the Dead*. P. 100, 134. Термин «главный герой войны» предложила Дениз Янгблад. См.: Youngblood D. J. *Russian War Films*. P. 95.

²³ Weiner A. *The Making of a Dominant Myth: The Second World War and the Construction of Political Identities within the Soviet Polity* // *Russian Review*. 1996. Vol. 55; *Idem*. *Making Sense of War*. P. 20–21, 49–70.

²⁴ Павленко П. А. *Счастье*. М.: Правда, 1947.

²⁵ Митрохин Н. *Русская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953–1985 годы*. М.: Новое литературное обозрение, 2003. С. 141–168; Вайль П., Генц А. 60-е: Мир советского человека. 3-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 88–96.

²⁶ О Викторе Некрасове см.: Kasack W. *Lexikon der russischen Literatur des 20. Jahrhunderts: Vom Beginn des Jahrhunderts bis zum Ende der Sowjetära*. Munich: Sagner, 1992. S. 817–819; Лазарев Л. И. Некрасов Виктор Платонович // *Русские писатели 20 века: биографический словарь* / Гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М.: Большая российская энциклопедия, 2000. С. 492–493.

²⁷ Некрасов В. *В родном городе* // *Он же*. Избранные произведения: повести, рассказы, путевые заметки. М.: Художественная литература, 1962. С. 248–470 (первая публикация: Новый мир. 1954. № 10. С. 3–65; № 11. С. 97–178); Бондарев Ю. *Тишина*. М.: Советский писатель, 1962 (первая публикация: Новый мир. 1962. № 3. С. 3–43; № 4. С. 64–135; № 5. С. 43–92).

²⁸ Баллада о солдате. Мосфильм, 1959; Чистое небо. Мосфильм, 1961.

бытовала в сталинские времена²⁹. Широкое признание получали даже «буржуазные пацифисты» типа Эриха Марии Ремарка; если до 1953 года в Советском Союзе были опубликованы лишь два романа этого автора, прошедшего Первую мировую войну – «На Западном фронте без перемен» (1929) и «Возвращение» (1936), – то с 1956-го по 1961-й наблюдается небывалый всплеск интереса к его произведениям, что делает Ремарка вторым по тиражности (после Стефана Цвейга) немецким автором из числа публикуемых в Советском Союзе³⁰. «В родном городе» и «Тишина» были созвучны скорбному и депрессивному тону, лежащему в основе творчества Ремарка. Государственная реакция на такой «ремаркизм» оказалась однозначной. Консервативные критики ругали прозу Бондарева за описания драк между демобилизованными, изображение связей ветеранов с теневой экономикой, постоянное подчеркивание роли «окопного братства»; все это, как предполагалось, было заимствовано именно у Ремарка и отражало иностранную, а не советскую действительность. Вместо всего этого один из критиков предлагал Бондареву сосредоточиться на «героических усилиях народа по восстановлению страны»³¹.

Подобных критиков более радовал второй, параллельный поток военной памяти – монолитный, героический и незамысловатый дискурс, которому предстояло стать доминирующим при хрущевском преемнике Леониде Брежневе (1964–1982)³². Его правление зачастую уничижительно сравнивают с предшествующей «оттепелью», называя «эпохой застоя». Анализируя это время в разрезе памяти о войне, мы не должны преувеличивать ни закоснелость брежневской эпохи, ни якобы присущее ей нарушение преемственности с тем, что было раньше. Прежде всего основные решения, инициировавшие государственный монументализм в сфере военной памяти, были приняты при Хрущеве³³. Более того, как показало недавнее исследование фильмов на военную тему, культ войны в эру Брежнева был гораздо более сложным и динамичным явлением, чем иногда предполагают³⁴. Возможно, правильное видеть в брежневском правлении период, когда «религия войны», оформлявшаяся с 1945 года, окончательно окрепла³⁵. Эта квазиметафизическая система памяти и сопричастности мертвым породила не только целый пантеон героев, святых и злодеев, но и выработала полноценный набор ритуалов, больших и малых, символов и жестов, наполнявших повседневную жизнь советских граждан и пронизывавших каждый проживаемый ими год. То обстоятельство, что отнюдь не все выражения памятования были сведены к черно-белой пропаганде, лишь подтверждает: речь шла о чем-то большем, чем спонсируемый и продвигаемый государством культ. Это была, скорее, живая религия, глубоко укоренившаяся в сердцах и душах людей, все еще пытающихся осмыслить непостижимый ужас минувшей войны³⁶. Как будет показано в заключительной части моей книги, период застоя был также весьма динамичным в плане развития организованного ветеранского движения; кроме того, он был отмечен серьезными изменениями в правовом положении бывших фронтовиков.

²⁹ Tumarkin N. The Living and the Dead. P. 110–113; Lars K. Von Helden und Menschen: Der Zweite Weltkrieg im sowjetischen Spielfilm (1941–1965) // Osteuropa. 2002. № 1. S. 67–82; Youngblood D. J. Russian War Films. P. 107–141.

³⁰ Kasack W. Deutsche Literatur des 20. Jahrhunderts in russischen Übersetzungen: Historischer Überblick. Bibliographie 1945–1990. Mainz: Liber Verlag, 1991. S. 12–15, 54, 57, 58, 60, 62, 65, 67, 82, 83, 92, 94, 96, 98, 102, 105, 111, 118, 122, 123, 128, 132; Краткая литературная энциклопедия в 9-ти томах / Под ред. А. А. Сиркова. М.: Советская энциклопедия, 1971. Т. VI. С. 247–250. С. 249. Я благодарю Джун Фаррис за библиографическую помощь в этом вопросе.

³¹ Идашкин Ю. В. Но если задуматься... // Октябрь. 1962. № 9. С. 212–213; Гусаров В. Успех или неудача? // Звезда. 1962. № 9. С. 209–211.

³² Tumarkin N. The Living and the Dead. P. 110–113.

³³ Beate F. Die Invaliden des Großen Vaterländischen Krieges. S. 458–459.

³⁴ Youngblood D. Russian War Films. Chap. 7.

³⁵ Термин «религия войны» был предложен российским кинокритиком Александром Шпагиным. См.: Youngblood D. Russian War Films. P. 231–232.

³⁶ Weiner A. Making Sense of War.

Празднование двадцатилетия Победы, состоявшееся в 1965 году, тоже демонстрирует переплетение старого и нового, государственного дискурса и социальной психологии. Реакция населения на это событие, в основном положительная, тщательно отслеживалась, и это, вероятно, убеждало власти, что они на правильном пути³⁷. Готовясь к выступлению в День Победы, всего через несколько месяцев после того, как в октябре 1964 года он сменил Хрущева на посту первого секретаря, Леониду Брежневу не нужно было сильно импровизировать, поскольку в его распоряжении уже имелась целостная фразеология и полный пантеон героев военной эпохи. (Позже все это без существенных изменений воспроизводилось вплоть до «перестройки».) Главным нововведением стало осторожное возвращение фигуры Сталина в нарратив Победы и замалчивание более сложных или двусмысленных – «ремарковских» – ее трактовок. День Победы вновь сделался нерабочим праздничным днем, каким он был до 1948 года. Новый лидер примечательным образом подхватил озабоченность искусства «оттепели» вкладом простых людей в военные усилия, упомянув о миллионах безымянных «участников Отечественной войны»; примерно через десятилетие это понятие станет базисом для признания нового и особого статуса ветеранов-фронтовиков³⁸.

Учитывая центральную роль «Отечественной войны» в официальном легитимизирующем мифе, приходится лишь удивляться тому, с какими трудностями сталкивались все эти миллионы, желая получить государственное признание, собственную организацию и официальный правовой статус – несмотря на их численность (а может быть, и вопреки ей), составлявшую к концу войны от 20 до 25 миллионов человек, 12–15 % всего населения СССР³⁹. После того как отслуживших бойцов встретили с фанфарами, концертами, портретами Сталина и духоподъемными речами, тот незначительный особый статус, которым их наделили в ходе демобилизации, был довольно быстро упразднен. Власти ожидали, что ветераны не будут долго почивать на лаврах, а незамедлительно включатся в производственный процесс и совершат еще больше подвигов, теперь уже трудовых. Пенсии для инвалидов войны оставались мизерными, медицинская помощь и снабжение протезами были скудными, а государство интересовалось лишь тем, чтобы вернуть максимальное число уцелевших фронтовиков в народное хозяйство⁴⁰. В последние сталинские годы ветеранов, которые не могли держать рот на замке и рассказывали о жизни, увиденной ими на Западе, арестовывали за «антисоветскую агитацию»⁴¹. Еще большую известность приобрели репрессии в отношении бывших военнопленных, которых органы госбезопасности после репатриации подвергали «фильтрации» во временных концентрационных лагерях. Тем, кто не был уличен в преступных деяниях и отпускался в мирную жизнь, вновь угрожали арестом в конце 1940-х и начале 1950-х. В контексте ксенофобии позднего сталинизма эти люди, испытавшие тлетворное западное влияние, оставались на заметке у спецслужб, что автоматически делало их подозреваемыми в последующих кампаниях⁴².

³⁷ См., например, документы из Российского государственного архива новейшей истории (далее – РГАНИ): Председатель Комитета государственной безопасности В. Семичастный – в ЦК, 11 мая 1965, № 1025-с. Ф. 5. Оп. 30. Д. 462. Л. 38–43; Отчет из Ленинграда [без подписи], 12 мая 1965. Д. 462. Л. 45; Отчет заведующего сектором писем Общего отдела ЦК Б. Николаева о письмах в связи с юбилейными торжествами, 22 мая 1965. Ф. 5. Оп. 30. Д. 462. Л. 59–64.

³⁸ Брежнев Л. И. Ленинским курсом: Речи и статьи. М.: Политическая литература, 1970. С. 118–155; относительно Сталина см.: С. 124, 130.

³⁹ Нечаев В. С. Сила ветеранов – в единении // Ветеран. Октябрь 1994. № 31 (320). С. 1; Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-9541. Оп. 1. Д. 1505. Л. 176; Edele M. Soviet Veterans as an Entitlement Group, 1945–1955 // Slavic Review. 2006. Vol. 65. № 1. P. 120 (Table 2). Обзор различных оценок численности советского населения после войны см. в моей диссертации: Edele M. «A Generation of Victors?». Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization 1941–1956. Ph.D. diss., University of Chicago, 2004. P. 581 (App. 3).

⁴⁰ Fieseler B. The Bitter Legacy of the «Great Patriotic War»: Red Army Disabled Soldiers under Late Stalinism // Fürst J. (Ed.). Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention. London and New York: Routledge, 2006. P. 46–61.

⁴¹ Edele M. More than just Stalinists: The Political Sentiments of Victors, 1945–1953. P. 167–191.

⁴² Хорошим введением в тему является следующая работа: Polian P. Deportiert nach Hause: Sowjetische Kriegsgefangene im «Dritten Reich» und ihre Repatriierung. Munich und Vienna: Oldenburg, 2001 [Полян П. Жертвы двух диктатур: Советские

Даже после смерти Сталина в 1953 году, в атмосфере начавшейся либерализации и утверждения культа войны при Хрущеве, советские власти по-прежнему не желали предоставить ветеранам привилегии и разрешить им учреждение собственной организации. Основной функцией созданного в 1956 году Советского комитета ветеранов войны (СКВВ) была пропагандистская работа в международном ветеранском движении, а не внутреннее представительство интересов бывших солдат. Только после долгой борьбы и только на одно десятилетие (1965–1975) этой организации разрешили создать филиалы на местах. Что же касается институционального закрепления ветеранского статуса, то оно состоялось лишь в 1978 году⁴³.

Таким образом, если вписать советский опыт в компаративный контекст, то до 1980-х годов он иллюстрировал одну из крайних возможных реакций социума на появление ветеранов как новой социальной группы. В одних случаях, например, в Германии после Первой мировой войны, государство монополизировало как социальное обеспечение, так и признание ветеранского статуса, полностью вытеснив с этого поля гражданское общество. В других случаях, в частности в Великобритании, основная часть заботы о бывших солдатах была оставлена добровольческим ассоциациям⁴⁴. Наконец, в третьих случаях, подобных Соединенным Штатам Америки после Второй мировой войны, поддержка ветеранов со стороны частного сектора комбинировалась с законодательным закреплением их статуса, обеспечиваемым государством⁴⁵. В Советском Союзе, по контрасту, инициативы частного сектора были объявлены вне закона еще со времен революции, поскольку советская партия-государство претендовала на организационную монополию в обществе. При этом отсутствие частной филантропии вовсе не уравнивалось государственной системой социальной защиты. Предпочтя тоталитарную версию британского варианта послевоенной адаптации, советское государство рассчитывало на то, что фронтовики, демобилизовавшись, превратятся в обычных гражданских и не будут требовать какого-то воздаяния за былую воинскую службу. Иначе говоря, цель состояла в том, чтобы как можно скорее попытаться упразднить такую особую социальную группу, как «ветераны»⁴⁶.

Советских ветеранов этот подход не устраивал. Неослабевающее недовольство выливалось в то, что можно назвать несогласованными и массовыми кампаниями по написанию жалоб и петиций. Как будет показано в главах 7 и 8, это неустанное давление снизу в конечном итоге увенчалось успехом: советское руководство отказалось от своих исходных идеологических предубеждений и позволило сначала создать организованное ветеранское движение, а затем расширить сферу привилегий бывших бойцов. К середине 1980-х годов Советский Союз перешел от одной крайности к другой: теперь ветераны представляли собой более или менее организованную социальную корпорацию, обладающую особым статусом и интегрированную в политическую систему. Даже французский подход к *anciens combattants* выглядел гораздо скромнее⁴⁷.

Таким образом, история советских ветеранов ставит под сомнение центральную предпосылку всей научной литературы, посвященной ветеранским движениям. Большинство ее авторов предполагает, что ветераны не являются особой социальной группой, если они не объединены в ассоциации или не выделены в качестве отдельной статусной общности зако-

военнопленные и оstarбайтеры в Третьем рейхе и их репатриация. М., 1996]. Дополнительную литературу, посвященную военнопленным, см. в примечаниях к главе 5.

⁴³ Подробнее см. главы 7 и 8.

⁴⁴ Cohen D. The War Come Home: Disabled Veterans in Britain and Germany, 1914–1939. Berkeley, Los Angeles, and London: University of California Press, 2001.

⁴⁵ Skocpol T. The G. I. Bill and U. S. Social Policy, Past and Future // Paul E., Miller F., Paul J. (Eds.). The Welfare State. Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 95–115; Bennett M. J. When Dreams Came True: The G. I. Bill and the Making of Modern America. Washington, DC: Brassey's, 2000.

⁴⁶ Zubkova E. Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957. P. 24–25.

⁴⁷ См.: Geyer M. Ein Vorbote des Wohlfahrtsstaates: Die Kriegsoferversorgung in Frankreich Deutschland und Großbritannien nach dem Ersten Weltkrieg // Geschichte und Gesellschaft. 1983. № 9. S. 230–277.

нодательно. Этот тезис отстаивался, в частности, известным французским историком Антуаном Про в его авторитетном исследовании, посвященном ветеранскому движению межвоенных лет во Франции⁴⁸. По его мнению, ветераны не образуют «реальную» социальную группу, в отличие, например, от «рабочих», которые явно существовали и до того, как им удалось обособиться организационно и законодательно. Словно переиначивая марксистское положение о классе в себе и классе для себя, французский ученый допускает, что рабочие являются группой в силу их объективного позиционирования в отношении производственного процесса. Даже не сумев организовать или обзавестись классовым сознанием, рабочие, по его мнению, предстают «реальной группой» (*un groupe véritable*), поскольку выполняют четко определенную социальную функцию. Ветераны, напротив, не имеют подобной объективной опоры. В основе их единения исключительно боевое товарищество, подкрепляемое возрастной близостью. В социальном смысле такая сплоченность не имеет никакого значения до тех пор, пока ветераны не объединятся, чтобы потребовать предоставления себе особого правового статуса. Следовательно, история ветеранов – это неизбежно история ветеранских организаций и движений, а также самосознания их членов⁴⁹. Обобщая аргументацию Антуана Про, а вместе с ним и многих других специалистов, занимавшихся ветеранами, можно сказать: выжившие фронтовики являются или чисто «воображаемым сообществом», или вообще ничем⁵⁰.

Однако ветераны Великой Отечественной войны существовали в качестве социально значимой группы задолго до того, как им удалось обзавестись собственной организацией, и вопреки тому, что вскоре после демобилизации их специальный статус был упразднен. Они продолжали требовать от государственных учреждений особого отношения к себе; они полагали, что их деревня, их семья, их город – все те, кого они защищали во время войны, – обязаны им за принесенные ими жертвы; они были убеждены, что имеют право на специальный статус, особое отношение, лучшую жизнь. В первое послевоенное десятилетие эти чувства, которые коренились в культурно опосредованном опыте войны, обычно не связывались с членством в «воображаемом сообществе» ветеранов: слово «я» произносилось ими чаще, чем слово «мы». В основе притязаний на особый статус в послевоенные годы лежали личное усилие и личная жертва каждого из них. Но совокупное выражение этих индивидуализированных чувств создавало социальную сущность, которая была столь же реальной, как и любая другая. Это было народное движение, которое условно можно назвать «группой заслуживающих»⁵¹.

Кому-то может показаться, что я выбрал слишком замысловатый способ, чтобы заявить о том очевидном факте, что ветераны – это, в сущности, выраженная поколенческая группа, и не более того. Действительно, хотя на фоне большей части послевоенной истории такое уравнивание кажется довольно странным, между двумя упомянутыми социальными феноменами все же есть некоторое сходство. Подобно представителям одного и того же поколения, советские ветераны отличались по социальному и культурному происхождению, а их ряды были столь же разнообразными, как и само советское общество; как и любое поколение, они делились по признакам пола и этничности, а также по политическим и идеологическим взглядам; наконец, в сходстве со всяким поколением, советские ветераны превратились из совокупности индивидов в узнаваемую социальную группу благодаря общему социокультурному опыту⁵². Однако если

⁴⁸ Prost A. Les Anciens combattants et la société française: 1914–1939. 3 vols. Paris: Presses de la Fondation nationale des sciences politiques, 1977.

⁴⁹ Prost A. Les Anciens combattants. Vol. 1. P. 2.

⁵⁰ Термин «воображаемое сообщество» принадлежит, разумеется, Бенедикту Андерсону. См.: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origins and Spread of Nationalism. London and New York: Verso. 1991 [Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001].

⁵¹ Edele M. Soviet Veterans as an Entitlement Group. P. 111–137.

⁵² Mannheim K. The Problem of Generations // Idem. Essays in the Sociology of Knowledge. London: Routledge & Kegan Paul. 1964. P. 276–320 [Мангейм К. Очерки социологии знания: Проблема поколений – состоятельность – экономические амбиции. М.: ИНИОН РАН, 2000].

британских, немецких или французских ветеранов, сражавшихся на полях Первой мировой войны, действительно с легкостью можно назвать ровесниками, спаянными общим фронтовым опытом, то в отношении советских ветеранов Второй мировой войны подобный подход не работает⁵³. Бесспорно, большинство солдат, воевавших в рядах Красной армии, были молодыми людьми – но мало кто из этой молодежи смог выжить⁵⁴. Ведь наиболее молодые заплатили за кампанию против вермахта дороже всех; официальная статистика свидетельствует, что 40 % демографических потерь, понесенных советскими вооруженными силами, пришлось на возрастную группу до 25 лет⁵⁵. По словам Кэтрин Мерридейл, из мужчин, родившихся в 1921 году, «до 90 % погибли»⁵⁶. Из-за таких потерь молодые ветераны составили явное меньшинство среди тех, кто остался в живых, отслужив в Красной армии в военные годы.

Вместо одного поколения ветеранов мы можем выделить по меньшей мере три⁵⁷. Наиболее известным из них остается самое молодое поколение мужчин (и, как будет показано ниже, некоторых женщин), которые отправились в армию прямо со школьной или студенческой скамьи. Эти молодые люди, родившиеся между 1923-м и 1927 годами⁵⁸, на момент начала войны не имели опыта взрослой гражданской жизни и к 1945 году умели только «стрелять, бросать гранаты и ползать по-пластунски», как выразился писатель-ветеран Виктор Некрасов⁵⁹. Для многих из них фронт сделался фундаментальным жизненным опытом; неудивительно, что, возвращаясь «на гражданку», они нередко сталкивались с серьезными проблемами адаптации. Их зачастую стремительная карьера в армии не давала им достаточных гражданских компетенций, и поэтому для жизненной траектории этих людей демобилизация порой означала шаг назад – по крайней мере, так могло показаться на первых порах. Эту группу мы можем назвать «фронтовым поколением»⁶⁰. Второе поколение ветеранов до призыва успело утвердиться в гражданской жизни, и поэтому им было к чему возвращаться после завершения сражений. Даже если их дома были разрушены, а родственники мертвы, они все равно имели возможность вернуться к привычному образу жизни, профессии, а часто и прежнему рабочему месту. Судя по официальным отчетам о демобилизации, у этой когорты фронтовиков было гораздо меньше адаптационных сложностей, чем у вышеупомянутого «фронтового поколения»⁶¹. В основном мужчины именно из этого и последующего ветеранских поколений, возвращаясь с фронта, занимали руководящие должности⁶². Наконец, наименее известное поколение фронтовиков составили люди, которых можно назвать «дважды ветеранами». Члены этой старейшей когорты, родившиеся в 1904 году или ранее, участвовали не только в Великой Отечественной, но также в Гражданской, а иногда и в «империалистической» Первой мировой⁶³. Некоторые

⁵³ О сложностях анализа поколений применительно к этому случаю см.: Wohl R. *The Generation of 1914*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1979. P. 203–237.

⁵⁴ Сенявская Е. С. 1941–1945: Фронтовое поколение. Историко-психологическое исследование. М.: Институт российской истории РАН, 1995; Merridale C. *Ivan's War*.

⁵⁵ Кривошеев Г. Ф. Потери вооруженных сил СССР // Людские потери СССР в период Второй мировой войны / Под ред. Р. Евдокимова. СПб.: Блиц, 1995. С. 78.

⁵⁶ Merridale C. *Ivan's War*. P. 338.

⁵⁷ Некоторые историки насчитывают не три, а четыре поколения. См.: Зима В. Ф. Менталитет народов России в войне 1941–1945 годов. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 22.

⁵⁸ Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. P. 23.

⁵⁹ Некрасов В. П. В родном городе. С. 284–285.

⁶⁰ Zubkova E. *Russia after the War: Hopes, Illusions, and Disappointments, 1945–1957*. P. 23; Сенявская Е. С. 1941–1945: Фронтовое поколение. С. 32 *passim*.

⁶¹ См., например, объемные отчеты о демобилизации, представляемые в ЦК Управлением по проверке парторганов в 1945–1946 годах: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 102 (1945, 274 страницы); Д. 145 (январь – март 1946, 196 страниц); Д. 146 (январь – июль 1946, 208 страниц).

⁶² См. главу 6.

⁶³ Это поколение – мужчины, родившиеся между 1890-м и 1904 годами, – было мобилизовано в августе 1941 года. См.: Сенявская Е. С. 1941–1945: Фронтовое поколение. С. 77.

из них были кадровыми военными, как, например, первые три председателя Советского комитета ветеранов войны: Александр Василевский (р. 1895), Кирилл Мерецков (р. 1897) и Семен Тимошенко (р. 1895). Другие были гражданскими лицами; к таковым, в частности, относился сценарист Иосиф Прут (р. 1900), который, по его собственным словам, «был участником почти всех войн своей страны»⁶⁴.

Точных данных о численности этих ветеранских поколений не существует. Как послевоенная визуальная пропаганда, так и «лейтенантская проза» в 1950-е и 1960-е годы чаще всего изображали ветеранов молодыми: этим и объясняется доминирование в нашем воображении вполне конкретного исторического образа⁶⁵. Однако имеющиеся у нас демографические данные свидетельствуют о том, что эта весьма заметная группа составляла меньшинство среди советских солдат, выживших в сражениях Великой Отечественной. Реконструкция численности соответствующих когорт по годам их рождения поможет получить первую, хотя и неокончательную, ориентировку в этом деле⁶⁶.

Таблица I.1 убедительно свидетельствует о том, что собственно «фронтовое поколение» в послевоенные годы составляло меньшинство в рядах ветеранов войны, причем несмотря даже на то, что не все мужчины были солдатами и не все солдаты были мужчинами. (Женщины составляли от 2 до 3 % общего числа ветеранов, поскольку в Красной армии они служили не только в медицинских частях и других вспомогательных службах, но также были снайперами, танкистами, пехотинцами, пилотами бомбардировщиков⁶⁷. Вторая волна демобилизации, прошедшая осенью 1945 года, позволила большинству из них вернуться к гражданской жизни, независимо от возраста⁶⁸.) То, что самые молодые когорты выживших фронтовиков оказались в меньшинстве, подтверждается и анализом демобилизационной статистики. Первая волна демобилизации освободила от службы людей, родившихся с 1893-го по 1905 год⁶⁹. С июля по сентябрь 1945 года, на которые пришелся этот этап, к мирной жизни вернулись сразу 40 % всех красноармейцев⁷⁰. Таким образом, получается, что две пятых ветеранов, которых распустили по домам в ходе продолжавшейся до 1948 года массовой демобилизации, к концу войны уже были старше 40 лет. Иными словами, история «фронтового поколения» – вовсе не то же самое, что история советских ветеранов.

⁶⁴ Ветераны в строю: Сборник / Сост. Б. П. Павлов. М.: Воениздат, 1981. С. 13–14, 19–21; Прут И. Неподдающийся: О многих других и кое-что о себе. М.: Вагриус, 2000. С. 25 passim.

⁶⁵ О «прозе лейтенантов» см.: Вайль П., Генис А. 60-е. Мир советского человека. С. 91–92, 94–96; На плакатах Победы обычно изображены молодые, улыбающиеся ветераны, часто с боевыми наградами на груди; таковы, например, работы «Ты вернул нам жизнь» (В. Иванов, 1943), «Так оно и будет» (он же, 1945), «Воину-победителю – всенародная любовь» (А. Кокорекин, 1944), «Красной Армии – слава!» (Л. Голованов, 1946). См.: Советский политический плакат / Под ред. Г. Демосфеновой и др. М.: Искусство, 1962. С. 371, 372, 374, 382.

⁶⁶ Две основные статистические реконструкции представлены в следующих работах: Андреев Е. М. и др. Население Советского Союза: 1922–1991. М.: Наука, 1993; Гельфанд В. С. Население СССР за 50 лет (1941–1990): Статистический сборник. Пермь: Издательство Пермского университета, 1992. Однако пользоваться ими нужно с осторожностью. Во-первых, приводимые в них данные представляют собой статистические выкладки, составленные на основе довоенных переписей 1937 и 1939 годов, послевоенной переписи 1959 года, некоторых неполных послевоенных демографических данных и множества отдельных вычислений и предположений. Во-вторых, в когорты, фигурирующие в этих реконструкциях, включаются все мужчины, предположительно выжившие в войну, что приводит к двум погрешностям: с одной стороны, в них игнорируется меньшинство ветеранов-женщин, а с другой стороны, в них учитываются мужчины, которые не служили в действующей армии. Впрочем, несмотря на упомянутые неточности, эти данные являются одним из немногих статистических ориентиров, которые есть в нашем распоряжении.

⁶⁷ См.: Edele M. Soviet Veterans as an Entitlement Group. P. 117. В этой статье можно найти сноски, указывающие на соответствующую литературу.

⁶⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1945 года «О демобилизации второй очереди личного состава Красной Армии» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1945. 3 октября. № 69. С. 1.

⁶⁹ См. главу 1.

⁷⁰ См.: Донченко В. Н. Демобилизация Советской армии и решение проблем кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 96–106. Здесь – С. 98.

Таблица I.1. Мужское население Советского Союза по возрастным группам к началу 1946 года (млн чел.)

<i>Поколение</i>	<i>Годы рождения</i>	<i>Численность</i>	<i>%</i>
Фронтное поколение	1923–1927	7891,9	22,9
Среднее поколение ветеранов	1905–1922	17097,6	49,6
Дважды ветераны	1890–1904	9502,1	27,5
Всего	1890–1927	34491,6	100

Источник: *Гельфанд В. С.* Население СССР за 50 лет (1941–1990): Статистический справочник, 1992; см. также: *Edele M. A* «Generation of Victors?». App. 1. P. 69–71.

В этой книге представлена история советских ветеранов как «нового социума»⁷¹. Ее тема – появление новой группы в советском обществе. Основное внимание в ней уделяется социальным отношениям и поведению ветеранов, а не процессам, способствовавшим, скажем, принятию благоприятной для них государственной политики. Разумеется, о других аспектах ветеранской проблематики тоже можно было бы порассуждать обстоятельно и пространно: например, о значении военного опыта в создании «сообщества заслуживающих», о роли армии в этом движении, о происхождении и трансформации культа Великой Отечественной войны, о повседневной жизни инвалидов-фронтовиков в 1960-х годах и позже или же о месте переживших войну в литературе и искусстве. Ход демобилизации или история «молодых коммунистов», вступивших в партию на передовой, также могли бы послужить материалами для самостоятельных и обширных исследований книжного формата. Но даже организационная история ветеранского движения исследуется мной лишь постольку, поскольку она затрагивает базовую для меня тему – а именно социальную интеграцию и социальную дезинтеграцию народного движения бывших солдат после их возвращения домой.

Книга тематически разделена на три части, каждая из которых состоит из нескольких глав. Первые две части посвящены внутригрупповой дифференциации, а последняя – оформлению целостной группы. Эти процессы можно обособить друг от друга только в аналитических целях, так как в реальной жизни они развивались параллельно. В начале первой части мы будем сопровождать только что демобилизовавшихся ветеранов в их зачастую хаотическом путешествии на родину. Наряду со всевозможными трофеями, военными байками, ранениями и хроническими недугами, которые будут мучить их до конца жизни, они везли с собой убежденность в том, что имеют полнейшее право на достойную жизнь после войны. Это осознание собственных заслуг подпитывалось тогда официальной пропагандой, которая обещала солдатам-героям именно то, чего они ждали. Однако, когда ветераны наконец-то добирались до родных мест и успешно увольнялись из армии, незамедлительно обнаруживалось, что приятные посулы в основном пусты: вместо сытой послевоенной жизни их ждала рутинная дурно работающей бюрократической машины, о чем подробнее будет рассказываться в главе 2. Соответственно, в главе 3 речь пойдет о тех факторах, которые все-таки позволяли бывшим фронтовикам интегрироваться в гражданскую жизнь: о негосударственных социальных связях, сетях, институтах.

Во второй части будут проанализированы некоторые размежевания, наметившиеся в ходе демобилизации, а также интеграции, позже расколовшие «фронтное братство». Инвалиды войны, которым посвящена глава 4, были вынуждены решать специфические проблемы, обусловленные их увечьями и отсутствием адекватной социальной поддержки со стороны госу-

⁷¹ Термин «новый социум» предложен Еленой Зубковой. См. ее книгу: Послевоенное советское общество: Политика и повседневность, 1945–1953. М.: РОССПЭН, 2000. С. 28–36.

дарства, которое интересовалось только трудоспособными гражданами. В этой главе говорится также о том, что даже внутри этой особенной категории ветеранов наблюдалась выраженная дифференциация по уровню доходов и качеству жизни – своеобразная иерархия нищеты. В главе 5 мы обратимся к иной коллективности, обремененной нетипичными проблемами: к бывшим советским военнопленным, на родине столкнувшимся с дискриминацией и преследованиями. Глава 6 расширит горизонт анализа, выходя за рамки упомянутых проблемных групп и показывая, что после войны у бывших солдат в целом отсутствовала объединяющая их социальная траектория: как и в других воевавших странах, кто-то из них преуспел, а кто-то нет.

Переключая внимание с процессов, разобщавших ветеранов, на процессы, которые их объединяли, две главы третьей части сосредотачиваются на возникновении советского ветеранского движения и последующем превращении выживших бойцов из «сообщества заслуживающих» сначала в статусную группу, а потом и в корпоративную группу, встроенную в позднесоветский порядок. В этих двух финальных главах подытоживается аргументация всей моей работы. Как и в первой части, в фокусе внимания здесь остается отнюдь не только государство, которое рассматривается мной как весьма важный, но далеко не единственный актор более широкого социокультурного и социопсихологического процесса, в ходе которого собиралась и распадалась такая социальная сущность, как «ветераны»⁷².

В полном объеме весь этот процесс не контролировался никем. Государство зачастую вынуждено было уступать, поддаваясь натиску силы, которая не вполне была ему подвластна. Тем не менее последнее слово оставалось за ним: хотя государственная политика не могла упразднить «сообщество заслуживающих», она с легкостью могла противостоять ветеранским требованиям. Главенство авторитарного государства в установлении хронологических вех, в соответствии с которыми развивалось ветеранское движение, описывается в заключительной части книги; подвергать эту роль сомнению невозможно – чтобы убедиться в этом, достаточно самого беглого взгляда на периоды, которые были пройдены ветеранами как социальной группой и как движением. «Сообщество заслуживающих» сложилось во время войны и сразу же после ее завершения, причем оно смогло выжить, несмотря на почти десятилетнее непризнание. Хрущевское правление привнесло некоторые перемены, особенно в оформление памяти о войне и становление культа войны, а также в некоторой степени в организационные дела, но никакого институционального развития «сообщества заслуживающих», на чем ветераны настаивали с 1945 года, так и не произошло. Только благодаря прагматизму Брежнева, которому нравилось изображать из себя героя-фронтовика, этот период латентного существования подошел к концу. Когда в 1985 году к власти пришел Горбачев, ветераны – к тому времени их ряды поредели и постарели, – стали основной статусной группой советского общества. Несмотря на всю риторику «возвращения к ленинским заветам», Горбачев продолжил и завершил процесс, начатый его предшественниками в эпоху застоя. По мере того, как время шло, а старшие когорты ветеранов таяли, оставшиеся все больше сближались между собой в возрастном плане. Если в 1945 году «их поколенческий профиль был расплывчатым», то теперь «они демонстрировали гораздо меньшую хронологическую диффузию». Они начали превращаться в отдельное поколение, у представителей которого становилось все больше общего со сверстниками, пусть даже не воевавшими на фронте, но разделявшими с ними коллективный опыт военной поры. Такие люди были для бывших фронтовиков гораздо ближе, чем более молодые советские граждане. В результате с 1970-х годов в торжественном публичном дискурсе рядом с «героями Сталинграда и Курска» регулярно стали появляться «ветераны труда», бывшие рабочие и колхозники. Этот процесс «смычки», сближения идентичностей «пенсионера» и

⁷² Основные аргументы, позволяющие осмыслить советское государство в качестве части советского общества, см. в статье: Edele M. Soviet Society, Social Structure, and Everyday Life: Major Frameworks Reconsidered // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2007. Vol. 8. № 2. P. 349–373.

«ветерана»⁷³, был завершен при Горбачеве, который объединил оба типа ветеранов под эгидой одной организации и распространил многие привилегии, имевшиеся у ветеранов фронта, на ветеранов тыла. Более того, он официально интегрировал новую, объединенную ветеранскую организацию в политическую систему.

То, что признание жертв, принесенных ветеранами в военное время, состоялось в виде распространения на них целостной системы привилегий, было исторически закономерным. Законодательное закрепление особого государственного обращения с «заслуженными» категориями граждан и исходящее из этого принципа неравномерное распределение льгот были одной из основ социальной стратификации и режимной стабильности⁷⁴. В межвоенные годы некоторые социальные группы по идеологическим соображениям считались естественными союзниками большевиков; к таковым относились, в частности, рабочие или некоторые национальности. В силу этого они находились на особом положении: в частности, их представителям было легче получить доступ к высшему образованию – в отличие от выходцев из тех групп, которые, как считалось, изначально враждовали с режимом (к последним относились, например, бывшие аристократы или зажиточные крестьяне-«кулаки»)⁷⁵. Другие были обязаны своим статусом служению государству и революции – чем важнее служба, тем выше статус и, соответственно, тем шире доступ к товарам и услугам⁷⁶. Особое положение военнослужащих в советской жизни также было обусловлено принципом служения: оно предопределялось пользой, приносимой ими государству. Невероятные масштабы Великой Отечественной войны размыли в сознании многих грань между служебным рвением и социальным положением. Услуга стране, оказанная на передовой, была настолько огромной, что все выжившие оказались частью учрежденной государством категории «участников войны», которым предстояло получать особые льготы независимо от их текущих занятий. Это имело смысл и в связи с изменениями символического контекста: если после 1917 года рабочие обладали особым статусом, поскольку именно они совершили революцию, то после войны старые солдаты получили право рассчитывать на такое же уважение, так как они выиграли великую битву. Институционализация культа Великой Отечественной войны в качестве нового легитимирующего мифа советской системы, таким образом, логически подразумевала обеспечение особого положения для защитников родины. В 1978 году советские законодатели восприняли наконец эту логику: к тому моменту война во многих отношениях затмила революцию как фундаментальное и основополагающее для советского строя событие.

В контексте брежневского культа войны и в рамках реализуемой государством перераспределительной политики сложился новый дискурс взаимоотношений власти и ветеранов. Это была своеобразная разновидность того, что один историк назвал сталинистской «культурой дара», в рамках которой граждане были обязаны служить государству (и любить его руководителя) по той причине, что последний предположительно заботился о благосостоянии населения. Исходя из подобных представлений, ветераны оказывались в долгу перед государством из-за особого отношения, которое они на себе испытывали⁷⁷. Начиная с 1960-х годов подобные идеи комбинировались с конкурировавшим и, возможно, даже взаимоисключающим вете-

⁷³ Lovell S. Soviet Russia's Older Generations // *Idem. (Ed.). Generations in Twentieth-Century Europe*. Houndmills, Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007. P. 205–226; цитаты – P. 221.

⁷⁴ Ibid. P. 214–223.

⁷⁵ Fitzpatrick S. Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia // *Journal of Modern History*, 1993. Vol. 65. P. 745–770; Martin T. Modernization or Neo-Traditionalism? Ascribed Nationality and Soviet Primordialism // *Fitzpatrick S. (Ed.). Stalinism: New Directions*. P. 348–367.

⁷⁶ О принципе служения и о служилых классах в русской истории см.: Ключевский В. О. Русская история: полный курс лекций в 3-х томах. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000; Hellie R. The Structure of Modern Russian History: Toward a Dynamic Model // *Russian History*. 1977. Vol. 4. № 1. P. 1–22.

⁷⁷ См.: Brooks J. Thank You, Comrade Stalin! Soviet Public Culture from Revolution to Cold War. Princeton: Princeton University Press, 2000.

ранским убеждением в том, что фронтовики заслуживают эксклюзивной заботы сугубо из-за их вклада в дело Победы. Сложилось нечто похожее на двусторонний договор между ветеранами и государством: страна была обязана ветеранам, причем если она честно будет выполнять свою часть сделки, то и старые солдаты, в свою очередь, будут обязаны помогать режиму⁷⁸. К концу 1970-х годов это негласное соглашение облекли в институциональные формы. Описывая в 1979 году свое видение предназначения ветеранской организации, ее председатель Павел Батов отмечал прежде всего пропагандистскую работу, которой она занимается как внутри страны, так и на международной арене. И только потом он обратился к тому, за что совсем недавно, в 1956 году, еще приходилось бороться: к особым интересам и потребностям ветеранов, об удовлетворении которых должна заботиться их институция: «Много внимания СКВВ [Советский комитет ветеранов войны] уделяет также содействию советским органам в выполнении ими постановлений партии и правительства, направленных на улучшение обеспечения интересов и нужд участников и инвалидов войны, членов семей погибших воинов». Председатель СКВВ вполне четко заявлял о том, что отношения между партией-государством и ветеранами представляют собой партнерство, базирующееся на принципе взаимности. Высоко оценивая Указ от 10 ноября 1978 года «О мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий участников Великой Отечественной войны», он писал: «Это обязывает нас еще активнее трудиться на благо Родины»⁷⁹. Спустя три десятилетия после того, как смолкли орудия, последствия войны обрели наконец подобающе советский отклик.

Таким образом, в одном своем срезе эта книга представляет собой исследование одного из самых интригующих социально-политических явлений XX века (которое, похоже, будет живо и в XXI веке): бытования народных движений в авторитарных обществах. Движение советских ветеранов не было ни примитивным результатом государственной социальной инженерии, ни выражением оппозиции режиму. Его появление на свет не планировалось, не проектировалось, не контролировалось кем бы то ни было; скорее, за ним стояла логика специфически советского опыта войны и демобилизации. Руководители СССР никогда не стремились создавать «ветеранов», а политика, породившая эту новую социальную сущность, никоим образом не вытекала из большевистской идеологии⁸⁰. Совсем наоборот: правящая элита считала весьма проблематичным предоставление бывшим солдатам каких-то особых прав только из-за того, что они служили в военные годы, и потому режим на протяжении четырех десятилетий решительно противился созданию любой ветеранской организации. Но практики, приведшие к возникновению новой социальной сущности, были обусловлены чрезвычайностью и неординарностью войны; именно это, собственно, и вынудило власти все-таки пойти на введение особых привилегий для фронтовиков и их семей. Иначе говоря, в другом своем срезе эта книга превратилась в исследование непреднамеренных долгосрочных, социально-психологических и политических, последствий ведения войн.

У этих последствий была своя предыстория. Для российского общества в вооруженном противостоянии не было ничего необычного. Опираясь на идеологию XIX века, в которой насилие и конфликт представляли движущей силой истории, большевики в XX веке научились управлять тем и другим, что было убедительно продемонстрировано в годы Первой мировой и Гражданской войн⁸¹.

⁷⁸ Dunham V. S. In *Stalin's Time: Middleclass Values in Soviet Fiction*. Durham, NC, and London: Duke University Press, 1990.

⁷⁹ Батов П. Советские ветераны войны в борьбе за мир // Военно-исторический журнал. 1979. № 6. С. 71–75. Цитаты – С. 75.

⁸⁰ О создании статусных групп в ходе реализации большевистского проекта см.: Fitzpatrick S. *Ascribing Class: The Construction of Social Identity in Soviet Russia*. См. также более подробное обсуждение вопроса: *Idem*. *Tear Off the Masks! Identity and Imposture in Twentieth-Century Russia* (Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2005). Chaps. 2–4 [*Фитцпатрик Ш. Срывайте маски!: Идентичность и самозванство в России*. РОССПЭН, 2011. Гл. 2–4].

⁸¹ См.: Pethybridge R. *The Social Prelude to Stalinism*. London and Basingstoke: Macmillan, 1974. P. 73–131; Fitzpatrick S. *The Civil War as a Formative Experience* // Gleason A., Kenez P., Stites R. (Eds.). *Bolshevik Culture: Experience and Order in the Russian*

Еще в царской России военные реформы 1874 года инициировали, а законодательство 1912 года еще более закрепило, принцип «взаимной полезности», связывающий военную службу и гражданскую жизнь. То, что при советской власти называли «Первой империалистической войной», оказало решающее влияние на его дальнейшую эволюцию в СССР⁸². Опыт тотальной войны и внедрение системы привилегий, распространявшихся на военнотружеников и членов их семей, популяризовали связку «солдат – гражданин», подчеркивая взаимозависимость между участием в боях за родину и привилегированным социальным положением⁸³. Эта связь послужила базисом военизированного социализма 1920–1930-х годов⁸⁴. Война, таким образом, выступала центральной доминантой в формировании и преобразовании этого общества: ведь на протяжении большей части своей истории оно либо воевало, либо готовилось к войне, либо восстанавливалось после войны. За Гражданской войной последовала длительная кампания против антибольшевистских мусульманских сил в Туркестане в 1923–1931 годах, советско-китайский конфликт 1929-го, участие в гражданской войне в Испании (1936–1939) и в войне в Китае (1937–1939), конфликты с Японией на озере Хасан в 1938-м и реке Халхин-Гол в 1939-м, кампания в Западной Украине и Западной Белоруссии в 1939-м, «зимняя война» с Финляндией в 1939–1940-м⁸⁵. Война с Германией, продолжавшаяся с 1941-го по 1945 год, стала очередным важным испытанием для общества, формирующегося для войны и в процессе войны. В ходе тех грандиозных событий, которые позже нарекли «Великой Отечественной войной», связь между сражением за Родину и получением воздаяния за эту жертву видоизменилась в массовом сознании, превратившись в представление о том, что армейская служба в военное время должна сохранять свой особый статус и после завершения боев.

Последствия этой трансформации идей, касающихся военной службы, гражданской жизни и привилегий, институционализировались медленно, поскольку политическое руководство противилось подобным изменениям – по идеологическим, экономическим и политическим причинам, а также вопреки укрепляющемуся культу войны. Тем не менее многие ветераны желали признания более ощутимого, чем просто упоминания в речах ответственных лиц и приглашения на праздничные ритуалы, посвященные Дню Победы 9 мая. Как показано в этой книге, в конце концов – в 1978 году, когда их число значительно сократилось, а самым молодым было уже за пятьдесят, – они добились желаемого.

Revolution. Bloomington: Indiana University Press, 1985; *Holquist P.* Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, Mass., and London: Harvard University Press, 2002.

⁸² *Sanborn J. A.* Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb, Ill.: Northern Illinois University Press, 2003.

⁸³ *Stockdale M. K.* United in Gratitude: Honoring Soldiers and Defining the Nation in Russia's Great War // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2006. Vol. 7. № 3. P. 459–485.

⁸⁴ *Hagen M. von.* Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State, 1917–1930. Ithaca and London: Cornell University Press, 1990.

⁸⁵ *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: Исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999. С. 382.

Глава 1. Эпопея возвращения

Уже на перронах ленинградских вокзалов демобилизованные почувствуют любовь, заботу и внимание своих земляков. Каждый прибывающий в Ленинград эшелон будут встречать многочисленные делегации трудящихся города.

Прямо с вокзала демобилизованные направляются в районные дома культуры, клубы, где оборудуются сборные пункты. На этих пунктах будут выдаваться паспорта, военные документы, продовольственные карточки. В кинозалах будут демонстрироваться лучшие фильмы и устраиваться концерты. Красочные выставки расскажут новоприбывшим о жизни различных районов и предприятий города во время Отечественной войны. Выставки помогут демобилизованным изучить особенности предприятий города и выбрать себе подходящую работу. На сборных пунктах будут с докладами выступать директора предприятий, парторги заводов и фабрик.

Большое внимание партийные, советские, хозяйственные и общественные организации города уделяют подготовке жилищ для демобилизованных. <...> Демобилизованные в первую очередь будут снабжаться топливом. Для них выделяются специальные магазины, торгующие материалами для ремонта квартир и предметами первой необходимости.

«Красная звезда», 1945⁸⁶

Согласно газете «Красная звезда», печатному органу Народного комиссариата обороны СССР, демобилизация должна была стать праздничным и хорошо организованным ритуалом, который позволил бы не только подтвердить особый статус ветеранов, но и быстро вернуть вчерашних солдат в ряды мирных тружеников. Это, однако, оказалось благой фантазией, которая воплощалась в жизнь крайне редко. Конечно, у каждого солдата была своя история демобилизации, но большинству из них пришлось иметь дело с хаосом, беспорядком, неготовностью властей и дефицитом буквально всего, начиная с продуктов и жилья и заканчивая одеждой и транспортом – что, впрочем, характеризовало Советский Союз 1940-х годов в целом. Тем не менее фронтовики все же возвращались, и кое-кого даже встречали особым образом: именно так, как и обещалось в процитированной в эпиграфе газетной статье. Встречи большинства, однако, проходили без всякой помпы, а потом бывшим бойцам приходилось самим решать многочисленные проблемы, обрушивавшиеся на них по приезду. Но прежде, однако, им предстояло доехать до дома. Такое возвращение оказывалось гораздо более рискованным, хлопотным и сложным делом, нежели можно было ожидать в полицейском государстве, каким оставался сталинский Советский Союз⁸⁷.

Эта эпопея возвращения заслуживает нашего пристального внимания. Сначала мы увидели бы, как демобилизованный едет в вагоне или на крыше вагона, плывет на речном судне или летит в самолете. Потом нам открылось бы, как он забирается в кузов случайной попутки, добывается причитающегося ему места в государственном транспорте, едет верхом на лошади

⁸⁶ Ленинград готовится к встрече демобилизованных воинов // Красная звезда. 1945. 6 июля. С. 3.

⁸⁷ Изображение демобилизации как эффективно контролируемого процесса см. в статье: Донченко В. Н. Демобилизация Советской Армии и решение проблемы кадров в первые послевоенные годы // История СССР. 1970. № 3. С. 96–106. О том, как демобилизуемые солдаты воспринимали контроль над ними, см.: Fitzpatrick S. Postwar Soviet Society: The «Return to Normalcy», 1945–1953 // Linz S. J. (Ed.). The Impact of World War II on the Soviet Union. Totowa, NJ: Rowman & Allanhead, 1985. P. 129–156, особенно – P. 135–136. Отчет, основанный на архивах, см.: Merridale C. Ivan's War: Life and Death in the Red Army, 1939–1945. New York: Metropolitan Books, 2006. P. 336–371.

или просто шагает пешком. Мы слышали бы его жалобы или ругань, а возможно, и увидели бы, как он выплескивает свою ярость, подогреваемую потребляемым в пути алкоголем, во внезапных вспышках насилия. Нам открылась бы важная проблема, которая его мучает: как умудриться доставить домой все то, что досталось ему в качестве «трофеев» – от костюма или часов до пианино, охотничьего ружья и даже (иногда) автомобиля. Наконец, нам не раз довелось бы вместе с ним воспринять информацию партийных агитаторов или партийных газет, разъясняющих освободившимся от службы бойцам их положение, а также права и обязанности в послевоенном обществе. Несмотря на повсеместность хаоса и неразберихи, сам факт демобилизации, как и сопутствовавшая ей риторика, позволял «ветеранам Великой Отечественной войны» думать, что они теперь обладают правом на новый социальный статус – причем такой, который обеспечивает привилегированное отношение на всех уровнях социальной организации: в семье, деревне или городе, региональных и местных партийно-советских учреждениях и, разумеется, глазах «народа» и «советской власти» в целом.

Таблица 1.1. Реконструкция демобилизационных волн с учетом возрастных когорт (рядовой состав, сухопутные войска)

<i>Правовой акт и дата</i>	<i>Период</i>	<i>Возрастная группа</i>	<i>Годы рождения</i>
Союзный закон, 23 июня 1945	Вторая половина 1945	13 самых старших возрастных групп	1893–1905
Указ Президиума Верховного Совета, 25 сентября 1945	До конца 1945	Следующие 10 самых старших возрастных групп*	1906–1915
Указ Президиума Верховного Совета, 20 марта 1946	Май — сентябрь 1946	Следующие 6 возрастных групп	1916–1921
Указ Президиума Верховного Совета, 22 октября 1946	Ноябрь 1946 — январь 1947	1 возрастная группа	1922
Указ Президиума Верховного Совета, 4 февраля 1947	Март — июнь 1947	2 возрастные группы	1923–1924
Указ Президиума Верховного Совета, 12 февраля 1948	Февраль — март 1948	1 возрастная группа	1925

* Также во второй волне были демобилизованы: лица с тремя (и более) ранениями; специалисты, бывшие преподаватели и студенты; женщины; прочие.

Источники: Указанные правовые акты публиковались (среди прочих изданий) в «Ведомостях Верховного Совета СССР» (30 июня и 3 октября 1945, 28 марта и 31 октября 1946, 12 февраля 1947). Указ от 12 февраля 1948 года, насколько мне известно, не был опубликован; краткое уведомление об этом правовом акте появилось в «Ведомостях Верховного Совета СССР» 21 марта 1948. Сам акт можно найти в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ): Ф. р-7523. Оп. 40. Д. 45. Л. 1–2. Правовые акты скрывают фактические когорты по рождению: их пришлось реконструировать с использованием опубликованных и архивных источников. Эту реконструкцию см. в моей работе: Edele M. A. «A Generation of Victors?». P. 62–68.

Фронтовики-инвалиды были в первом ряду ветеранов, вернувшихся к гражданской жизни. За годы войны 3,8 миллиона солдат покинули армейские ряды по болезни или ранению, причем 2,6 миллиона из них стали инвалидами⁸⁸. Кроме того, более 200 000 военнослужащих были уволены «по разным причинам», еще столько же дезертировали или пропали без вести, а 3,6 миллиона были командированы на промышленные предприятия, в местные подразделения противовоздушной обороны или на тыловую охранную службу⁸⁹. Среди тех, кто прибыл с фронта еще до завершения боев, преобладали представители самых старших возрастных групп, то есть граждане 1890–1892 годов рождения, которых спешно призвали в чрезвычайной ситуации 1941 года⁹⁰. После окончания войны к уволенным ранее присоединились по меньшей мере еще 8,5 миллиона солдат разных возрастных групп, которых демобилизовали несколькими волнами в течение 1945–1948 годов (см. таблицу 1.1). Около 1,8 миллиона бывших военнопленных были репатриированы в качестве отдельной группы⁹¹.

В военном и послевоенном хаосе сложно было организовать демобилизацию большого количества фронтовиков. В 1943 году возмущенный депутат Верховного Совета СССР написал секретарю ЦК ВКП(б) Георгию Маленкову о сценах, свидетелем которых он стал во время поездки по железной дороге и которые, по словам проводников, были вполне типичными. Около трехсот инвалидов, выписанных из тыловых военных госпиталей и направлявшихся домой, ждали отправления скорого поезда № 73 Ташкент – Москва, но, как только была объявлена посадка, их растолкали и оттеснили здоровые пассажиры, которые заняли все места в двух вагонах, специально предназначенных для ветеранов. В страшной сутолоке ослабевшие от ран бойцы падали, наложенный на переломы гипс разбивался, а швы опять начинали кровоточить. Многие инвалиды-фронтовики так и не смогли занять отведенные для них полки.

Оставшимся на перроне пришлось потом с трудом искать места в других битком набитых вагонах. Но этим ветеранские злоключения не ограничились: во время остановки на одной из промежуточных станций вагон, полный инвалидов, отцепили от поезда, поскольку продолжение рейса на него не распространялось. И снова раненым и увечным пришлось штурмовать и без того переполненные вагоны, но уже других составов. Пайков, которые они должны были получать в распределительных пунктах для военнослужащих по пути следования, на многих вокзалах и станциях просто не оказалось в наличии. В Оренбурге, Куйбышеве и Рязани пункты питания располагались на станционных задворках, причем никаких специальных мер, облегчавших инвалидам доступ к пище, железнодорожное начальство не предпринимало. В результате многие целыми днями сидели «даже без куска хлеба». Неудивительно, что инвалиды были возмущены таким отношением. «В газетах пишут о чутком и внимательном отношении к раненым бойцам, а потом нашего брата набивают в вагон как дрова, – говорил один из них. – Вот, когда были здоровыми, воевали, тогда нужны были, а теперь искалечили, и никто не позаботится, чтобы по-человечески отправить домой»⁹².

Эта кошмарная история возвращения была типичной для тех, кто добирался домой самостоятельно: не только для инвалидов и раненых, которых выписывали из госпиталей, но и для увольняемых из армии офицеров, а также для демобилизуемых по особому поручению (например, специалистов, официально переводимых из вооруженных сил на промышленные

⁸⁸ Кривошеев Г. Ф., Филимошин М. Ф. Потери вооруженных сил СССР в Великой Отечественной войне // Население России в XX веке. Исторические очерки. Т. II: 1940–1959 / Под ред. В. Б. Жиромской. М.: РОССПЭН, 2001. С. 26; Krivosheev G. F. Soviet Casualties and Combat Losses in the Twentieth Century. London: Greenhill Books, 1997. P. 92.

⁸⁹ Krivosheev G. F. Soviet Casualties. P. 91.

⁹⁰ Edele M. A. «A Generation of Victors?»: Soviet Second World War Veterans from Demobilization to Organization 1941–1956. Ph.D. diss., University of Chicago, 2004. P. 69–71.

⁹¹ Подробнее см. главу 5.

⁹² Ф. Быков – Г. Маленкову // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 44. Л. 4–5.

предприятия)⁹³ – в общем, для всех, кому не довелось вернуться на родину в специальных эшелонах, выделенных для массовой демобилизации. Один ветеран, уволенный из армии по медицинским показаниям в конце 1945 года, рассказывал, как он застрял на пограничной румынской станции вместе с тысячами других демобилизованных, надеявшихся на поезд. Они дождались прибытия товарного состава с демонтированным промышленным оборудованием, направлявшегося на восток. Пространство, свободное от станков и агрегатов, уже было забито стоящими солдатами, спешившими пересечь границу родины. К счастью, ему удалось присоединиться к ним⁹⁴.

«У нашего поезда вид был странный и довольно страшный», – писал политработник, переживший аналогичный опыт в начале сентября 1945 года. Вагоны поезда, следовавшего от Станислава [ныне Ивано-Франковск] до Львова и далее до Брянска, были переполнены. Солдаты стояли на подножках, толпились в тамбурах, и даже крыши вагонов были усеяны людьми, причем с багажом. «На остановках торговли бросают на крыши всякую снедь, а оттуда вниз летят деньги». Кондукторы, не стесняясь, распределяли свободные места за взятки. В Киеве и на некоторых других остановках местные комендатуры подолгу снимали пассажиров с крыш вагонов, но это лишь на короткое время что-то меняло: вскоре наверху оказывались новые путешественники. Из-за всей этой суматохи поезд выбился из расписания на пять часов. Во время остановки во Львове политработник также видел, как возвращающиеся солдаты празднуют победу: «Меня поразило большое количество сильно пьяных офицеров и солдат на улицах. ... Вид их разнузданный. До глубокой ночи – шум, пьяные песни, выстрелы». Подобная картина ждала его и в оперном театре, который он посетил, чтобы послушать «Травиату» на украинском языке. «Два сержанта, совершенно пьяных, куражились, распевали песни во время антракта на виду у всех. Двое полковников стояли безучастно тут же»⁹⁵.

В Ростове 205 демобилизованных солдат простояли в очереди несколько часов, потому что им сказали (как потом оказалось, ошибочно), что перед посадкой нужно проштамповать посадочные талоны. За это время гражданским удалось выкупить все места в вагонах, заброшенных для возвращающихся фронтовиков. В результате, сообщал очевидец, «демобилизованные размещаются в общих вагонах, в тамбурах и на крышах»⁹⁶. Вот, например, описание сцены, вполне обычной для 1946 года: «Крыши уже были завалены мешками и человеческими телами, которые поезд, то и дело дергаясь, стряхивал на платформу, как спелые яблоки. Мужчины вскакивали на ноги, чтобы еще раз сразиться за свои с таким трудом завоеванные места. Я видел много мундиров и фуражек, но без звезд. Это были только что демобилизованные. Как только поезд трогался с места, крыши, подножки, буфера снова заполнялись неплатежеспособными пассажирами. И так они ехали от станции к станции»⁹⁷.

Поезда были не единственным средством передвижения. Один ветеран, в 1945 году добравшийся из Берлина до дома на попутных машинах, оставил следующее описание: «Днем и ночью движутся по необъятной нашей стране в разных направлениях людские потоки. Возвращаются с фронта солдаты, едут домой эвакуированные. У всех одна мысль: только бы попасть на поезд или попутную машину, а там, в дороге, как-нибудь все устроится. <...> Шумное оживление не только в городах, на узловых железнодорожных станциях, но даже на проселоч-

⁹³ Подобная демобилизация проводилась по заявкам от предприятий; нормативную базу для нее обеспечивало Постановление Совета народных комиссаров (далее – СНК) от 13 сентября 1945 года № 2346–605с. См.: ГАРФ. Ф. р-5446. Оп. 47а. Д. 3705. Л. 83–81. О возвращении специалистов см., например: Н. Шверник – Н. Вознесенскому, 12 декабря 1945 // ГАРФ. Ф. р-9517. Оп. 1. Д. 52. Л. 38. См. также отдельные примеры: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 397.

⁹⁴ Чухрай Г. Н. Моя война. М.: Алгоритм, 2001. С. 296–297.

⁹⁵ Б. Волин – Г. Маленкову, 11 сентября 1945 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 310. Л. 36–39.

⁹⁶ И. Кузьмин – Г. Маленкову, о приеме демобилизованных солдат и помощи им на селе, 22 августа 1945 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 102. Л. 138–142. Цитата – С. 140.

⁹⁷ Pirogov P. Why I Escaped: The Story of Peter Pirogov. New York: Duell, Sloan & Pearce, 1950. P. 235.

ных дорогах: пылит полуторка, а в кузове нетерпеливо ждет своего перекрестка солдат. И, не дождавшись, пока затормозит машина, спрыгнет на обочину, помашет на прощание шоферу, озорно, по-мальчишески оглянется по сторонам – видят ли люди, как блестят начищенные ордена и медали»⁹⁸.

На фоне всеобщей сумятицы существовал и более организованный способ возвращения домой. Тех, кто массово освобождался в рамках демобилизации старших возрастных групп, начиная с лета 1945 года отправляли обратно в специальных эшелонах. Первый такой поезд с красноармейцами, участвовавшими в штурме Берлина, отправился в СССР в начале июля⁹⁹. Газеты широко освещали их прибытие, красочно описывая радостные сцены на вокзальных перронах, переполненных женщинами, которые ожидали братьев, мужей и отцов, а также официальные встречи, которые организовывались местными чиновниками и руководителями предприятий¹⁰⁰. Разумеется, гораздо реже сообщалось о трудностях и огорчениях, преследовавших солдат по пути домой. Так, 10 августа 1945 года специальный поезд № 45117, следовавший в Ташкент, был переформирован на железнодорожной станции Арысь. В результате десять вагонов с демобилизованными солдатами просто были забыты на путях. Они простояли двенадцать часов, пока не был найден новый локомотив. Другие поезда простаивали из-за поломок, отсутствия запчастей или, если таковые удавалось найти, нехватки масел для их смазки. 15 августа 1945 года специальный поезд № 45702-А без всякой видимой причины простоял шесть часов на станции; когда после томительного ожидания состав продолжил путь, он, наверстывая время, без остановки миновал несколько следующих станций, где должны были сходить некоторые демобилизованные. По этой причине фронтовики оказались в Ташкенте. Потребовались еще девять часов, чтобы отыскать поезд, который мог бы доставить их обратно. «Естественно, – отмечал узбекский партийный функционер в своем отчете, – это привело к выражению обоснованного недовольства со стороны демобилизованных и их семей». И это был далеко не единичный случай. Ветераны, лишенные возможности сойти на своей остановке, нередко провожали удаляющиеся родные места с печалью в глазах¹⁰¹.

Хорошо, если вагон попадался пассажирский¹⁰²; по большей части людей перевозили в теплушках – переоборудованных вагонах, которые в мирной жизни служили для перевозки скота: «А внутри теплушки – нары, сплошь устланные немецкими коврами, иногда размером через весь вагон, синий дым от гаванских сигар, откуда-то их было в Германии много. И звучат, фальшивя, немецкие аккордеоны „Хонер“ и даже дорогие итальянские. Какой проворный народ – через два-три дня (дорога была долгая) эти люди, никогда ранее не державшие в руках никаких музыкальных игрушек, руками, казалось бы, навек прижавевшими к пулеметам, довольно сносно выводили свое любимое „Над озером чаечка вьется“ и вовсе уж модное „На позиции девушка провожала бойца“. <...> А эшелон-призрак мчался с войны по никому еще не принадлежавшей и не определившейся с границами Европе, пугая своим видом и сумасшедшей музыкой немецкие и польские деревушки по обе стороны своего исторического марша – война, обратная дорога»¹⁰³.

По всей видимости, местных жителей пугала не только странная музыка, доносившаяся из этих «поездов-призраков». Подобные поездки зачастую сопровождались эксцессами

⁹⁸ Кованов В. В. Призвание. М.: Политическая литература, 1970. С. 245–246. Спасибо Крису Бертону за то, что он привлек мое внимание к этим мемуарам.

⁹⁹ Всенародная забота о демобилизованных воинах // Красная звезда. 1945. 10 июля. С. 1.

¹⁰⁰ См. публикации в газете «Красная звезда», появившиеся в 1945 году: 18 июля. С. 3; 6 июля. С. 3; 20 июля. С. 1; 8 июля. С. 1; 20 июля. С. 2; 22 июля. С. 3; 27 июля. С. 1. См. также «Блокнот агитатора Красной Армии»: № 21 (июнь 1945). С. 27–30.

¹⁰¹ Уполномоченный Комиссии партийного контроля (далее – КПК) по Узбекистану – Г. Маленкову, отчет об исполнении закона о демобилизации, 24 августа 1945 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 102. Л. 96–104. Цитата – Л. 96–97.

¹⁰² См., например, фото в «Красной звезде»: 1945. 25 июля. С. 1; см. также: Merridale K. Ivan's War. P. 356.

¹⁰³ Ташч М. И. Играла музыка в саду... М.: Вагриус, 2000. С. 267.

насилия, подогреваемыми скукой долгого странствия и усиливаемыми доступностью оружия и алкоголя. 21 октября 1945 года на станции одного из городов Куйбышевского района Запорожской области Украины остановился спецпоезд № 45481. Пока состав дожидался нового локомотива, на перрон сошла группа пьяных офицеров и солдат, которые, угрожая начальнику станции оружием, потребовали незамедлительного отправления в дальнейший путь. Когда им сказали, что без паровоза ехать невозможно, они начали оскорблять станционных служащих и жестоко избили одного из них. Для наведения порядка на станцию был направлен наряд Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД), который арестовал начальника воинского эшелона. Но это лишь подлило масла в огонь: узнав об аресте, демобилизованные отправились «разбираться» – в результате прикладами были избиты начальник местного гарнизона и начальник городского НКВД. После этого бунтовщики проследовали в городскую комендатуру и силой освободили своего задержанного командира. Возвращаясь на станцию, они вступили в перестрелку с частями НКВД, в результате которой четверо военнослужащих были убиты и еще четверо ранены¹⁰⁴

¹⁰⁴ Л. Берия – В. Молотову, Г. Маленкову, Н. Булганину, А. Антонову, 27 октября 1945 // ГАРФ. Ф. р-9401. Оп. 2. Д. 104. Л. 283–284.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.